947
0-363
ДТР
4482

947
0-363

Харитонова 14/VIII 25
Ананич 30.03 78.

Восьег. городская
БЕЗПЛАТНАЯ
БИБЛІОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ

Весьег. гор.
БЕЗПЛ.
БИБЛИОТЕКА-ЧИТАЛЬНЯ.

779/7

III

Чтв. 607

ДОЗВ. ЦЕНЗ СПБ. 18 МАРТА 1893 г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА" Б. ПОДЪЯЧ., 39

Кн. Е. Р. Дашкова.

Ко
п 84 г.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Эк

Е. Р. ДАШКОВА

ЕЯ ЖИЗНЬ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

60478
49

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

В. В. Огаркова.

Съ портретомъ Дашковой, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

947
О-363

ЦЕНТРАЛЬНОЕ КНИГОХРАНИЛИЩЕ
Московской Сем. Библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія и фототипія В. И. Штейна, М. Морская, № 20.
1893.

Дозволено цензурою. Спб. 18 Апрѣля 1893 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр

I. РАННІЕ ГОДЫ.—Особенное мѣсто, занимаемое Дашковой среди сподвижниковъ Екатерины II.—Рожденіе ея.—Раннее дѣтство.—Смерть матери.—Канцлеръ Воронцовъ беретъ ее къ себѣ.—«Блестящее» образованіе.—Самодѣятельность.—Невзрачная наружность Дашковой.—Гордость и самолюбіе ея.—Чтеніе.—Переписка съ братомъ.—Атмосфера политики.—Интересъ къ общественнымъ вопросамъ.—Встрѣча съ Дашковымъ.—Сближеніе.—Разсказы объ этомъ въ обществѣ.—Встрѣча съ великой княгиней.—Восторгъ, возбужденный ею въ Дашковой.—Вѣеръ.—Свадьба.—Жизнь у родни мужа.—Возвращеніе въ Петербургъ 5

II. НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНѢ.—Знакомство съ событіями при дворѣ.—Неудобства наслѣдника Елисаветы.—Поѣздки въ Ораніенбаумъ.—Переписка съ великой княгиней.—Стихи Дашковой въ честь Екатерины II.—Дружба.—Возбужденіе въ перепискѣ общественныхъ вопросовъ.—Знаменитый разговоръ съ Петромъ III.—Роковое свиданіе съ Екатериною II.—Рѣшимость Дашковой помогать другу.—Кончина императрицы Елисаветы.—Сцена во дворцѣ за игрою въ карты.—Выговоръ князю Дашкову отъ императора.—Причины, обусловившія рѣшимость Дашковой.—Примѣръ дяди.—Зависть къ сестрѣ.—Трагическая черта въ судьбѣ княгини.—28-го іюня 1762 г.—«Величайшее счастье» Дашковой.—Сентенціи великаго канцлера 16

III. НАДЕЖДЫ И РАЗОЧАРОВАНІЯ.—Отношенія двухъ знаменитыхъ женщинъ.—«Романтизмъ» и личные интересы въ побужденіяхъ Дашковой.—Несправедливость государыни.—Неудобства для нея отъ сосѣдства Дашковой.—Степень важности участія Дашковой въ іюньскомъ событіи.—Свидѣтельство канцлера.—Скромная награда.—Веселые дни во дворцѣ.—«Небесная музыка».—Смерть сына.—Униженіе въ коронацію.—Статсъ-дама.—Подозрѣнія на Дашкову.—Смерть князя Дашкова.—Просьба вдовы къ государынѣ.—Хозяйство Дашковой.—Разговоръ съ Дидро о крѣпостныхъ.—Строгая помѣщица.—Дѣятельная натура Дашковой 27

ЗА-ГРАНИЦЕЙ.—Цѣли и причины поѣздки.—Просьбы объ отпускѣ къ Екатеринѣ II.—Пособіе на поѣздку.—Встрѣча съ Фридрихомъ Великимъ.—Частыя свиданія съ Дидро.—Портретъ Дашковой, описанный Дидро.—Свиданіе съ Вольтеромъ.—Споръ о Руссо.—Возвращеніе на родину.—Участіе Дашковой въ литературныхъ предпріятіяхъ.—Знакомство съ Потемки-

стр.

нымъ.—Думы о воспитаніи дѣтей.—Невѣроятное количество знаній сына Дашковой. — Вторая поѣздка заграницу.—«Блестящее» образованіе сына.—Заботы объ его карьерѣ.—Встрѣча съ Григоріемъ Орловымъ. — Знаменитые знакомые Дашковой.—Нетактичность съ королевой.—Разговоръ съ Каунищемъ о Петрѣ I. — Дашкова спѣшитъ на родину. 40

V. **ПОЧЕТЪ И НЕВЗГОДЫ.**— Отзывы современниковъ о Дашковой, какъ о замѣчательной женщинѣ.—Академія Наукъ.—Разобщенность ея съ «живыми силами» страны.— Милости государыни. — Пожалованіе имѣнія «Круглое».—Назначеніе директоромъ Академіи Наукъ. — «Собесѣдникъ». — Кружокъ лучшихъ литераторовъ.— Активъ въ управленіи Дашковой.—Пассивъ и курьезы.—«Россійская Академія».—Непрочность дружбы съ Екатериною II.—Процессъ о «свиньяхъ». — Рѣзкость княгини. — «Вадимъ Новгородскій». — Отпускъ. — Смерть Екатерины II.— Ожиданіе расплаты. — Ссылка. — Письмо къ Павлу I. — Милость императора.— Воцареніе Александра I.—Фаворъ Дашковой.—Уплата за нее императоромъ долга банку 51

VI. **ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ.**—Могучее вліяніе «общественнаго воспитанія».—Волшебный калейдоскопъ.—Письмо А. Р. Воронцова. — Эпизодъ съ Пугачевымъ. — Троицкое и Москва.—Картины изъ жизни Дашковой въ имѣніи.— Москва — сборный пунктъ вельможъ «не у дѣлъ».— Монументальная фигура Алексѣя Орлова.—Примиреніе съ нимъ Дашковой. — Боязнь и уваженіе Дашковой въ московскомъ обществѣ.—Отзывы иностранки о Россіи.—Потребность Дашковой въ привязанности и симпатіи.—Дружба съ миссъ Вильмотъ.—Составленіе мемуаровъ.—Смерть сына.—Примиреніе съ невѣсткою.— Отъѣздъ миссъ Вильмотъ.—Трогательныя письма. — Послѣдніе дни. — «Практичныя» распоряженія. — Смерть.—Заключеніе 67

Главными пособіями при составленіи этого очерка служили, кромѣ «Архива князя Воронцова» (томы V, XXI и др.), статьи: 1) Д. Иловайскаго «Екатерина Романовна Дашкова» («Отечественныя Записки» 1859 г.), 2) «Княгиня Е. Р. Дашкова» В. И. Семевскаго («Русская Старина» 1874 г.) и 3) «Литературные труды княгини Дашковой» Афанасьева («Отечественныя Записки» 1860 г.). Кромѣ того приходилось пользоваться и позднѣйшими свѣдѣніями, какъ изъ отдѣльныхъ изданій, такъ и изъ замѣтокъ и статей, помѣщенныхъ въ историческихъ журналахъ.

I.

Ранніе годы.

Особенное мѣсто, занимаемое Дашковой среди сподвижниковъ Екатерины II.—Рожденіе ея.—Раннее дѣтство.—Смерть матери.—Канцлеръ Воронцовъ беретъ ее къ себѣ.—«Блестящее» образованіе.—Самодѣятельность.—Невзрачная наружность Дашковой.—Гордость и самолюбіе ея.—Удаленіе изъ Петербурга.—Чтеніе.—Переписка съ братомъ.—Атмосфера политики.—Интересъ къ общественнымъ вопросамъ.—Желаніе путешествовать.—Встрѣча съ Дашковымъ.—Сближеніе.—Разсказы объ этомъ въ обществѣ.—Помощь императрицы.—Встрѣча съ великой княгиней.—Восторгъ, возбужденный ею въ Дашковой.—Вѣнецъ.—Свадьба.—Жизнь у родни мужа.—Случай изъ этого времени.—Возвращеніе въ Петербургъ.

Среди интересныхъ персонажей прошлаго вѣка, между блестящими сподвижниками Екатерины II, способствовавшими ея воцаренію и прославившими ея правленіе громкими подвигами, совершенно особенное мѣсто принадлежитъ Екатеринѣ Романовнѣ Дашковой. Въ лицѣ знаменитой княгини женщина выступаетъ въ активной роли на политической аренѣ и втеченіи долгаго времени является руководительницей науки на родинѣ. И то, и другое не могутъ не представляться исключительнымъ явленіемъ по отношенію къ тогдашнему полуневѣжественному обществу, гдѣ не только женщины, но и мужчины были обдѣлены образованіемъ и гдѣ общественная дѣятельность предоставлялась лишь незначительному кружку лицъ. Вниманіе наблюдателя невольно останавливается на этой молодой, обладавшей огромнымъ по тому времени образованіемъ, женщинѣ, маленькой и довольно невзрачной по виду, но способной своими умственными качествами и изумительной энергіей заткнуть за поясъ многихъ окружавшихъ ее блестящихъ, раззолоченныхъ и видныхъ царедворцевъ.

Судьба княгини Дашковой замѣчательна во многихъ отно-

шеніяхъ: на ея долю выпали блестящіе успѣхи въ молодости и горькія испытанія въ старости. Она играла видную роль въ первоначальной исторіи Екатерины II и испытала опалу и изгнаніе при ея преемникѣ. Исповѣдуя самыя передовыя идеи о воспитаніи, она должна была горько разочароваться отъ результатовъ примѣненія своихъ принциповъ къ собственнымъ же дѣтямъ, — и это дало ей не мало тяжелыхъ минутъ. Но она переносила несчастья со стойкойстью, которая была преобладающей чертой ея характера, хотя глубокая потребность любви и привязанности жила и въ ея суровомъ сердцѣ. Трогательная дружба княгини къ миссъ Вильмотъ въ послѣдніе годы жизни говоритъ объ этой жаждѣ симпатіи, которой не могутъ замѣнить никакіе— даже самые блестящіе—внѣшніе успѣхи.

Княгиня Дашкова по рожденію принадлежала къ самому высшему кругу общества. Она была дочерью графа Романа Илларіоновича и племянницей великаго канцлера Михаила Илларіоновича Воронцовыхъ. Ея братья: Александръ Романовичъ (бывшій канцлеромъ при Александрѣ I) и Семенъ Романовичъ, нашъ посланникъ въ Англіи,—прославились, какъ талантливые и стойкіе государственные дѣятели. Съ ребяческихъ лѣтъ ее окружали блескъ, роскошь и угодничество. И недюжинность натуры княгини Дашковой сказывается можетъ быть уже въ томъ обстоятельствѣ, что она не удовлетворилась только внѣшнимъ блескомъ своего положенія и сопряженными съ нимъ шумными, но пустыми успѣхами въ «свѣтѣ», чѣмъ вполнѣ удовлетворялось большинство женщинъ ея круга, но нашла въ своей душѣ силу лелѣять болѣе горделивые и серьезные планы.

О дѣтствѣ Дашковой имѣются очень скудныя свѣдѣнія: о немъ мы знаемъ почти только то, что заключается въ ея извѣстныхъ запискахъ и въ интересной автобіографіи А. Р. Воронцова, помѣщенныхъ въ «Воронцовскомъ Архивѣ».

Дашкова родилась 17-го марта 1743 г. Крестнымъ отцомъ ея былъ наслѣдникъ престола (впослѣдствіи Петръ III), а воспріемницей—императрица Елисавета. Какъ извѣстно, положеніе фамиліи Воронцовыхъ при этой государынѣ было блестящимъ, чему способствовала какъ дружба съ императрицей матери Дашковой, урожденной богачки Сурминой, снабжавшей когда-то деньгами нуждавшуюся въ нихъ опальную цесаревну, — такъ и участіе дяди Екатерины Романовны, Михаила Илларіоновича Воронцова, въ возведеніи на тронъ дочери Петра I. Уже одна только принадлежность къ такому блистательному и вліятельному кругу

предназначала Екатеринѣ Романовнѣ въ будущемъ крупную роль на родинѣ, насколько вообще подобная роль была доступна женщинамъ, по обычаямъ и развитію общества того времени. Но Дашкова не удовлетворилась рутиной и пробила новые пути для своей дѣятельности.

Послѣ смерти матери Дашкова осталась двухлѣтнимъ ребенкомъ. Можетъ быть не особенно ошибется тотъ, кто станетъ объяснять извѣстную жесткость характера Екатерины Романовны отсутствіемъ въ раннемъ дѣтствѣ сердечныхъ ласкъ матери, такъ смягчающихъ душу ребенка. И какъ ни велика была доброта ея тетки, жены великаго канцлера Воронцова, — но она не могла замѣнить маленькой сиротѣ живой и дѣятельной материнской любви.

У Михаила Илларіоновича Воронцова была единственная дочь однихъ лѣтъ съ Екатериной Романовной, и дядя взялъ племянницу къ себѣ для совмѣстнаго ея воспитанія съ его собственнымъ дѣтищемъ. Вѣроятно къ этому поступку, кромѣ вышеуказаннаго обстоятельства, побудили добраго дядю и другія причины. Отецъ Дашковой, еще не старый человѣкъ, съ большой охотой предавался свѣтскимъ удовольствіямъ. Съ нимъ жилъ только одинъ сынъ—Александръ, Семенъ находился въ имѣніи у дѣда, а дочери Марія и Елисавета были еще дѣтьми взяты во дворецъ, и одна—10 лѣтъ, а другая—одиннадцати сдѣлались уже фрейлинами. Отецъ мало обращалъ вниманія на воспитаніе дѣтей, а у маленькой сироты не было подруги: съ сестрами, находившимися у государыни, она рѣдко видѣлась и встрѣчалась часто только съ братомъ Александромъ.

Какъ-бы то ни было, Дашкова 4-хъ-лѣтнимъ ребенкомъ была взята дядей къ его дочери (впослѣдствіи графиня Строгонова), и это событіе несомнѣнно имѣло большое вліяніе на будущность ребенка и благотворно отразилось на его образованіи, хотя, надо сказать, самъ великій канцлеръ впослѣдствіи вѣроятно не разъ задумывался надъ тѣмъ, что ему пришлось отогрѣть у себя «маленькую змѣю»...

Кузины жили въ однѣхъ комнатахъ, имѣли однихъ и тѣхъ же учителей, одинаково одѣвались и вообще воспитывались при совершенно сходной обстановкѣ. Однако это не сдѣлало дѣвочекъ похожими: какъ по характеру, такъ по стремленіямъ и умственнымъ наклонностямъ онѣ были совершенно различны.

Канцлеръ обширной Русской Имперіи, интересовавшійся литературой и науками, извѣстный другъ и покровитель Ломоно-

сова, Михаилъ Илларіоновичъ не могъ не обратить вниманія на образованіе своей дочери и взятой къ ней племянницы. И онъ дѣйствительно не щадилъ издержекъ на этотъ предметъ. Дашкова знала прекрасно 4 языка, рисовала, была очень свѣдуща и въ музыкѣ: извѣстно напримѣръ, что, во время путешествія по Англіи, она писала музыкальныя пьесы, имѣвшія большой успѣхъ при исполненіи; въ числѣ лицъ, благодарившихъ ее за эти музыкальные труды, встрѣчается и имя знаменитаго Гаррика.

Вообще, по понятіямъ того времени, Екатеринѣ Романовнѣ было дано блестящее воспитаніе. Но, разумѣется, если бы только этимъ ограничилось образованіе будущаго президента Россійской Академіи, то названіе ее «образованнѣйшей» женщиной своего времени могло бы для многихъ звучать ироніей. Дѣйствительно, княгиня, помимо «свѣтской» науки, усваиваемой тогда и другими женщинами высшаго круга, многое знала и развила блестяще свой умъ; но этимъ она была обязана не какой-нибудь школѣ (такой въ то время въ Россіи не было), а кипучей самодѣятельности и той жаждѣ умственной пищи, которая развилась въ ней подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ и возбужденію которой конечно не мало способствовала жизнь у благоволившаго къ просвѣщенію мягкаго и добраго дяди.

Въ раннихъ воспоминаніяхъ княгини Дашковой мелькаетъ, окруженный лучезарнымъ сіяніемъ, образъ благоволившей къ Воронцовымъ императрицы Елисаветы. Государыня часто пріѣзжала къ канцлеру за-просто и оставалась у него обѣдать или ужинать. Она ласкала свою маленькую крестницу, брала ее къ себѣ на колѣни и кормила, а затѣмъ, когда та подросла, обыкновенно сажала ее рядомъ съ собой. Дѣвочка бывала и во дворцѣ на вечерахъ, устраиваемыхъ для дѣтей высшихъ сановниковъ, причемъ сама Елисавета отъ души веселилась и принимала участіе въ забавахъ и играхъ молодежи. Доброта этой государыни и ея ласковость въ обращеніи были полнымъ контрастомъ суроваго обхожденія Анны Іоанновны, не церемонившейся даже съ крупными по рангу лицами.

Казалось-бы, что при наличности тѣхъ условій, которыя окружали въ дѣтствѣ Дашкову въ великолѣпномъ домѣ дяди, при ласковомъ отношеніи къ ней родни и императрицы,—изъ нея должна была выработаться натура жизнерадостная, довольная окружающимъ, не предъявляющая къ нему особыхъ запросовъ и, въ вихрѣ свѣтскихъ удовольствій, не задумывающаяся глубоко надъ вопросами высшаго порядка. Многія сверстницы

будущей княгини такъ и оставались всю жизнь «беззаботными мотыльками», порхавшими среди блеска и роскоши, и исключенія изъ нихъ не составила даже, воспитывавшаяся одинаково съ нею, кузина, дочь канцлера. Но самая младшая Воронцова пошла по другой дорогѣ. Разумѣется, были обстоятельства, которыя обусловили такой исходъ.

Съ дѣтства въ натурѣ Дашковой, какъ она сама говоритъ въ запискахъ, было «много гордости, смѣшанной непонятнымъ образомъ съ необыкновенной нѣжностью и чувствительностью, которыя внушали пламенное желаніе быть любимою всѣми окружающими людьми». Но эта гордость и нѣжная чувствительность все-таки должны были, какъ слѣдуетъ думать, получать порой уколы въ домѣ дяди, гдѣ Екатерина Романовна являлась только племянницей, но не дочерью. Была и еще причина, которая, при чуткости Дашковой и ея раннемъ умственномъ развитіи, могла вызывать большія огорченія: Екатерина Романовна не могла похвалиться своей фигурой и наружностью. Вотъ какъ описываетъ ее Дидро: «Княгиня Дашкова вовсе не хороша; она мала ростомъ; лобъ у нея большой и высокій; щеки толстыя и вздутыя; глаза — ни большіе, ни малые, нѣсколько углубленные въ орбитахъ; носъ приплюснутый; ротъ большой; губы толстыя; зубы испорчены. Таліи вовсе нѣтъ; въ ней нѣтъ никакой граціи, никакого благородства, но много привѣтливости...» Портретъ, какъ видимъ, далеко не напоминающій Венеры Милосской!

Придворная молодежь конечно не всегда могла цѣнить умственныя достоинства подроставшей дѣвочки, а красотой она не привлекала взоровъ; успѣхи Дашковой въ свѣтѣ были сомнительны и меркли передъ успѣхами ея сверстницъ-красавицъ. А это для пылкой и гордой дѣвушки, почувствовавшей рано свое умственное превосходство надъ толпой, могло быть очень оскорбительнымъ и невольно направляло ея энергію въ иную сферу, чтобъ добиться успѣховъ и заставить окружающихъ признать ея силы.

Такъ подростала маленькая, невзрачная дѣвочка въ домѣ могущественнаго дяди. Кругомъ нея кипѣла жизнь, полная блеска и громкихъ успѣховъ, но въ этой жизни на ея долю выпадало не особенно много шансовъ,—и она успѣла создать себѣ еще въ дѣтствѣ свой особенный, умственный міръ грезъ и мечтаній: она съ жаромъ набрасывается на книги и перечитываетъ библіотеки дяди и его знакомыхъ.

Въ то время, когда будущей княгинѣ Дашковой наступило

12—13 лѣтъ, случилось одно маловажное обстоятельство, которое однако, по ея словамъ, имѣло значительныя послѣдствія: Екатерина Романовна заболѣла корью; а такъ какъ, въ видахъ предохраненія великаго князя Павла отъ заразы, запрещены были всякія сношенія двора съ семействами, гдѣ появились заразныя болѣзни, то Дашкову удалили въ деревню, за 17 верстъ отъ Петербурга.

Очутившись въ одиночествѣ, на попеченіи несимпатичныхъ ей людей, и часто испытывая приливъ безотрадныхъ чувствъ, дѣвушка стала серьезнѣе и задумчивѣе. Ея состояніе было еще печальнѣе отъ того, что за первыя недѣли этого изгнанія она, по болѣзни, не могла отдаться любимымъ книгамъ. Но зато на свободѣ дѣвочка имѣла время о многомъ подумать и, едва получивъ возможность читать, она уже не разстается съ книгами: послѣднія являются для нея вѣрными друзьями и утѣшителями. «Я начинала сознавать, — говоритъ княгиня въ запискахъ,— что проведенное въ одиночествѣ время не всегда бываетъ самымъ тягостнымъ; что та самая чувствительность, которая до сихъ поръ заставляла меня искать одобренія другихъ, теперь побудила меня сосредоточиться въ себѣ самой и развить тѣ умственныя средства, которыя только и могутъ поставить человѣка выше обстоятельствъ».

Что-же читала княгиня и что ее интересовало въ литературѣ? Къ чести ея, это не были произведенія французской, порой довольно разнузданной, литературы, — то до притворности сентиментальныя, то пошло-скабрезныя, — жидкія книжонки, которыми пробавлялись тогдашніе читатели изъ высшаго общества и которыя сладострастно смаковали старички: княгиня любила болѣе солидную умственную пищу. Въ этомъ отношеніи она была контрастомъ между прочимъ и своей сестры Елисаветы, списокъ книгъ которой, взятыхъ изъ академической библіотеки, весь состоялъ изъ подбора скабрезностей. Любимыми писателями Екатерины Романовны, наоборотъ, были: Бэйль, Монтескьё, Гельвецій, Вольтеръ, Буало... Она ихъ серьезно читала и понимала. Содержавшіяся въ этихъ книгахъ философскія созерцанія, ѣдкая насмѣшка надъ современными общественными формами, жажда высшихъ идеаловъ — все это манило живой умъ читательницы и эмансипировало ее отъ многихъ рутинныхъ взглядовъ и привычекъ. Чтеніе названныхъ писателей невольно направляло ея умъ въ сферу общественныхъ и политическихъ вопросовъ; оно заронило въ нее, сначала можетъ быть въ нео-

предѣленной формѣ, сѣмена тѣхъ желаній, которыя потомъ такъ ясно выразились въ дѣятельности молодой женщины. Съ другой стороны, эта-же начитанность и страстная вдумчивость въ явленія жизни обратили вскорѣ на Дашкову вниманіе великой княгини—будущей императрицы Екатерины II, отличавшейся чуткимъ знаніемъ людей, и подготовили ихъ первоначальную дружбу, имѣвшую такія исторически-важныя послѣдствія.

Не мало было и другихъ причинъ, поддерживавшихъ въ молодой дѣвушкѣ страсть къ литературѣ и къ области общественныхъ вопросовъ. Она часто видѣлась съ братомъ Александромъ Романовичемъ, образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, интересовавшимся наукой и литературой. Съ этимъ братомъ Дашкова сохранила хорошія отношенія до конца жизни; между тѣмъ нельзя сказать того-же про ея отношенія къ остальнымъ членамъ семьи Воронцовыхъ, такъ какъ Екатерина Романовна, ставшая страстной партизанкой будущей императрицы, являлась антагонисткой своихъ родственниковъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи прежняго режима. Но съ старшимъ своимъ братомъ, дружбу котораго, при враждѣ другихъ, слѣдовало тѣмъ болѣе цѣнить, она часто встрѣчалась и бесѣдовала. А когда онъ уѣхалъ въ Парижъ, сестра завела съ нимъ правильную переписку, сообщая о всѣхъ важныхъ случаяхъ въ политикѣ, при дворѣ и у знакомыхъ. Это съ одной стороны поддерживало въ ней интересъ къ событіямъ и лучше ихъ закрѣпляло въ памяти, а съ другой—вырабатывало способность критическаго отношенія къ нимъ. Большая переписка съ братомъ помогала конечно и выработкѣ «стиля» Дашковой, — той способности ясно и сжато выражать свои мысли и мѣтко характеризовать нѣсколькими сильными штрихами предметъ изложенія, которой отличаются ея извѣстныя записки.

Атмосфера дома канцлера, гдѣ жила Дашкова, была, если можно такъ выразиться, пропитана политикой, что въ свою очередь поддерживало въ дѣвушкѣ интересъ къ этой области общественныхъ явленій. По разсказу самой княгини, она мучила своимъ ненасытнымъ любопытствомъ всѣхъ посланниковъ, художниковъ и литераторовъ, бывавшихъ въ домѣ дяди. Она распрашивала ихъ о чужихъ странахъ, формахъ правленія и законахъ, и тогда уже зародилось въ ней пламенное желаніе путешествовать.

Иванъ Шуваловъ, слывшій меценатомъ, снабжалъ Дашкову всѣми литературными новинками. Къ своему замужеству она

съумѣла на карманныя деньги составить себѣ библіотеку въ 900 томовъ, въ числѣ которыхъ была и знаменитая «Энциклопедія». Княгиня радовалась болѣе, нежели чему-нибудь другому,—пріобрѣтенію новой и интересной книги.

Такъ Екатеринѣ Воронцовой пошелъ 16-й годъ. Ея старшая сестра и кузина еще въ 1757 году вышли замужъ, а вскорѣ и она сама стала невѣстой. По разсказу княгини, встрѣча ея съ Дашковымъ произошла у знакомой Самариной и была обставлена довольно романтическими подробностями. Княгиня впрочемъ не сообщаетъ многаго о сближеніи съ своимъ будущимъ мужемъ и ссылается на Провидѣніе, устроившее ко взаимному благу эту встрѣчу.

Лѣтомъ 1758 г. дядя и тетка Дашковой находились въ Царскомъ Селѣ у императрицы, а дѣвушка одна оставалась въ Петербургѣ, — отчасти по нездоровью, а больше по любви къ уединенію и чтенію. Она почти не выѣзжала въ «свѣтъ» и бывала только въ двухъ близко знакомыхъ семействахъ: княгини Голицыной и Самариной. Разъ она засидѣлась у послѣдней до поздняго часа; хотя за нею и пріѣхала карета, но такъ какъ былъ чудный лѣтній вечеръ, то сестра хозяйки предложила гостьѣ проводить ее пѣшкомъ до угла улицы. Едва дамы прошли нѣсколько шаговъ, какъ передъ ними появилась высокая фигура какого-то гвардейскаго офицера, при лунномъ свѣтѣ представившаяся воображенію дѣвушки чѣмъ-то колоссальнымъ. Она вздрогнула и спросила спутницу: кто этотъ офицеръ? И тутъ впервые она услышала фамилію князя Дашкова. Онъ оказался знакомымъ Самариныхъ. Завязался общій разговоръ, во время котораго молодой человѣкъ расположилъ къ себѣ дѣвушку; съ своей стороны и она ему понравилась.

Такъ разсказываетъ Дашкова о первомъ знакомствѣ съ своимъ будущимъ мужемъ, послужившемъ началомъ ихъ сближенія. Но въ тогдашнемъ обществѣ ходила и другая версія исторіи этого брака. Если она и несовсѣмъ правдива, то во всякомъ случаѣ интересна въ томъ отношеніи, что характеризуетъ взглядъ на энергію Дашковой и способность «постоять за себя», сложившійся о княгинѣ въ ея кругу. По разсказу Рюльера, князь Дашковъ, красивый придворный кавалеръ, однажды сталъ слишкомъ свободно говорить любезности дѣвицѣ Воронцовой; она позвала дядю и сказала ему:

— Дядюшка, князь Дашковъ дѣлаетъ мнѣ честь просить моей руки!

Князь не смѣлъ признаться первому сановнику Имперіи, что слова его не заключали въ себѣ именно такого смысла,—и женился на племянницѣ канцлера.

Какъ-бы то ни было, но этотъ бракъ состоялся въ февралѣ 1759 г. Князь Дашковъ, красивый и «добрый» малый, не представлялъ своей особой ничего чрезвычайнаго, и въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ жена подавляла его своимъ авторитетомъ. Въ устройствѣ этой свадьбы принимала близкое участіе и сама императрица Елисавета, вообще очень любившая подобныя зрѣлища. Въ одинъ изъ вечеровъ государыня заѣхала къ канцлеру изъ оперы ужинать. Отозвавъ влюбленныхъ въ другую комнату, она сообщила имъ, что знаетъ ихъ тайну и будетъ способствовать ихъ счастью. Замѣтивъ волненіе крестницы, императрица ласково потрепала ее по плечу и, поцѣловавъ въ щеку, сказала:

— Успокойся, мое милое дитя,—иначе всѣ друзья твои подумаютъ, что я побранила тебя!

«Я никогда,—говоритъ Дашкова, — не забуду этой сцены, которая навсегда привязала меня къ этой милостивой и доброй государынѣ».

Въ ту-же зиму, до свадьбы, произошла встрѣча Дашковой съ будущей императрицей Екатериной II, положившая начало ихъ дружбѣ,—правда, впослѣдствіи далеко не прочной и изобиловавшей многочисленными недоразумѣніями.

Въ домѣ канцлера провели цѣлый вечеръ и ужинали великій князь (впослѣдствіи императоръ Петръ III) съ супругой. Будущая императрица уже слышала о младшей Воронцовой, какъ о женщинѣ, почти все свое время посвящавшей чтенію и вообще достойной всякихъ похвалъ. «Я могу утвердительно сказать,— читаемъ мы въ запискахъ Дашковой, — что въ то время, о которомъ я говорю, за исключеніемъ великой княгини и меня, во всей имперіи не было двухъ женщинъ, которыя хоть сколько-нибудь занимались-бы серьезнымъ чтеніемъ». Это обстоятельство конечно послужило причиной взаимнаго сближенія. А такъ какъ Екатерина II положительно могла очаровать своимъ умомъ и прелестью манеръ того, кому желала нравиться, — то можно себѣ вообразить, какое впечатлѣніе произвела она на 15-ти-лѣтнюю энтузіастку, какою была тогда Екатерина Воронцова. Помимо серьезности и ума молодой дѣвушки, Екатерину II долженъ былъ невольно подкупить тотъ сердечный восторгъ и горячій энтузіазмъ, съ которымъ къ ней относилась ея молоденькая поклонница,

знавшая конечно исторію высокой гостьи, наполненную уже многими огорченіями и обидами.

Въ этотъ вечеръ великая княгиня почти исключительно говорила съ Дашковой и очаровала ее. «Возвышенность чувствъ и образованность,—читаемъ мы въ запискахъ княгини про Екатерину II,—повидимому показывали въ ней существо, поставленное природой выше всѣхъ другихъ и превосходившее всѣ прежнія понятія мои о совершенствѣ».

Прибавимъ интересную подробность объ этомъ роковомъ вечерѣ, произведшемъ неотразимое впечатлѣніе на Дашкову. Знаменитая гостья, уѣзжая домой, уронила свой вѣеръ. а Дашкова подняла его. Великая княгиня поцѣловала дѣвушку и попросила оставить вѣеръ на память объ ихъ первой встрѣчѣ, выразивъ надежду, что это свиданіе послужитъ началомъ ихъ дружбы,—что и случилось на самомъ дѣлѣ. Вскорѣ уже эти двѣ знаменитыя женщины вступили въ переписку, въ которой дебатировались очень серьезные и интересные вопросы; и недалеко уже было то время, когда молоденькая поклонница «Семирамиды Сѣвера» оказалась очень полезной для послѣдней.

Въ скоромъ времени послѣ свадьбы Дашкова съ мужемъ отправилась въ Москву. Кажется члены семьи князя,—довольно простые, но очень зажиточные люди,—не особенно сочувствовали этому браку. И тутъ уже молоденькая новобрачная должна была показать впервые свое умѣнье «жить съ людьми», хотя эта наука ей впослѣдствіи совершенно не давалась: изъ всѣхъ недостатковъ, которыми обладалъ знаменитый директоръ Академіи Наукъ, неуживчивость и непріятная рѣзкость характера были такими явными, что невольно всѣмъ бросались въ глаза и единодушно осуждались. Но пока еще, если судить по запискамъ Дашковой, она обладала способностью примирять и сглаживать возникавшія противорѣчія. Не мало ей вѣроятно пришлось испытать неудобствъ,—ей, читавшей Гельвеція, Вольтера и Монтескьё и говорившей плохо по-русски,—съ свекровью, простой, патріархальной женщиной, не знавшей ни одного языка, кромѣ русскаго. Но молоденькая невѣстка и тутъ уже успѣла проявить присущую ей энергію: она прилежно занялась изученіемъ родного языка, и ея русская рѣчь хотя и не блещетъ особенной стилистической красотой, но вскорѣ становится вполнѣ приличной.

Черезъ годъ послѣ свадьбы у княгини родилась дочь, доставившая ей впослѣдствіи не мало огорченій. Жизнь Дашковыхъ въ Москвѣ и родовыхъ имѣніяхъ шла скромно. Княгиня

конечно не бросала въ деревенскомъ уединеніи любимыхъ книгъ и музыки. За это время мы должны отмѣтить лишь одинъ интересный эпизодъ, указывающій на рѣшительный характеръ княгини и на ея способность къ весьма рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Въ январѣ 1761 г. мужъ Дашковой долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, а она, больная, осталась дома, въ Москвѣ, ожидая появленія на свѣтъ другого ребенка. Князь Дашковъ, заболѣвшій въ Петербургѣ, не хотѣлъ однако медлить и совершенно больной пріѣхалъ обратно въ Москву. Но, не желая пугать домашнихъ, онъ остановился у тетки (Новосильцевой), чтобъ, оправившись хотя немного отъ болѣзни, пріѣхать въ родной домъ. Однако эту тайну выболтала больной Дашковой ея горничная,— и повергла княгиню въ ужасное состояніе. Дашкова чувствовала уже приближеніе родовъ, но, опасаясь за мужа, она подавила свои страданія и умоляла уйти свекровь и тетку, дежурившихъ при ней, изъ комнаты, увѣряя, что ей еще не скоро понадобится помощь. Но едва тѣ ушли, она упросила акушерку проводить ее къ князю. Цѣпляясь за перила, подавляя мучительные приступы боли, она прошла двѣ улицы, и ни мольбы, ни слезы испуганной провожатой не могли вернуть княгини назадъ. Взглянувъ на больного мужа, Дашкова упала безъ чувствъ. Ее положили на носилки и отнесли назадъ въ домъ свекрови. Черезъ часъ она родила сына Михаила.

Изъ разсказаннаго факта можно судить о рѣшительности молодой женщины, и мы не должны особенно изумляться, увидѣвъ ее въ скоромъ времени однимъ изъ коноводовъ въ рискованномъ и смѣломъ дѣлѣ, благополучно однако закончившемся.

Болѣе 2-хъ лѣтъ отсутствовала Дашкова изъ любимаго Петербурга, и съ большой радостью привѣтствовала она родной городъ 28-го іюня 1761 г., «въ тотъ самый день, который,— по замѣчанію ея записокъ, — спустя 12 мѣсяцевъ, сдѣлался столь славнымъ для отечества».

Благодаря этому дню, княгиня Дашкова попала въ исторію, получила орденъ Екатерины и стала президентомъ Россійской Академіи. Ея романтическія мечтанія о громкихъ подвигахъ, о славѣ на родинѣ и за ея предѣлами должны были вскорѣ осуществиться.

II.

На политической аренѣ.

Знакомство съ событіями при дворѣ. — Близость къ «молодому» двору. — Неудобства наслѣдника Елисаветы.—Поѣздки въ Ораніенбаумъ.—Переписка съ великой княгиней. — Стихи Дашковой въ честь Екатерины II. — Дружба.—Возбужденіе въ перепискѣ общественныхъ вопросовъ.—Увѣренія въ «любви и преданности».—Близость кончины императрицы. — Знаменитый разговоръ съ Петромъ III. — Роковое свиданіе съ Екатериной II. — Рѣшимость Дашковой помогать другу.—Кончина императрицы Елисаветы.—Сцена во дворцѣ за игрою въ карты.—Выговоръ князю Дашкову отъ императора.—Причины, обусловившія рѣшимость Дашковой.—Примѣръ дяди.—Зависть къ сестрѣ.—Трагическая черта въ судьбѣ княгини. — 28-е іюня 1762 г.—«Величайшее счастье» Дашковой.—Свиданіе съ родными.—Сентенціи великаго канцлера.

Въ предыдущей главѣ мы уже видѣли, при какихъ условіяхъ воспитывалась Дашкова. Слѣдуетъ еще указать и на то, что она съ 12—13 лѣтъ вышла изъ подъ надзора гувернантки, свободно располагала собою, занималась только тѣмъ, что ей нравилось, и мало-по-малу привыкала руководиться лишь своими желаніями, не подчиняясь ничему другому. Это несомнѣнно могло способствовать ранней выработкѣ той самостоятельности характера и той чрезвычайной оригинальности въ привычкахъ, которыми отличалась впослѣдствіи княгиня Дашкова.

Мы уже знаемъ, какъ домъ канцлера, гдѣ провела дѣвическіе годы Екатерина Романовна, былъ близокъ ко двору, къ особѣ государыни и ея родственникамъ, и какія впечатлѣнія съ самаго ранняго дѣтства западали въ чуткую душу будущаго президента Академіи. Чтеніе серьезныхъ книгъ, трактовавшихъ о жгучихъ общественныхъ вопросахъ; атмосфера политики, въ которой съ

юныхъ лѣтъ приходилось вращаться; гордыя мечты о какомъ-нибудь крупномъ дѣлѣ, гдѣ-бы можно было прославиться; раннее сознаніе своихъ умственныхъ силъ—все это должно было подготовить въ душѣ Дашковой благодарную почву для воспринятія соотвѣтственныхъ идей. И для этого вскорѣ по пріѣздѣ Екатерины Романовны изъ Москвы въ Петербургъ наступили благопріятныя обстоятельства.

Восторженное воспоминаніе о великой княгинѣ жило въ памяти ея молоденькой поклонницы съ самой первой ихъ встрѣчи. И эти чары вспыхнули съ новой силой въ душѣ Дашковой, какъ только она увидѣла будущую императрицу и какъ только вникла въ суть событій, происходившихъ тогда въ высшихъ сферахъ. Это она могла легко сдѣлать, какъ по близости къ канцлеру, такъ и потому, что вмѣстѣ съ мужемъ, служившимъ въ Преображенскомъ полку, которымъ командовалъ будущій императоръ Петръ III, жила на дачѣ близъ Ораніенбаума и сдѣлалась близкимъ членомъ того общества, которое составляло «молодой дворъ». Встрѣчаясь очень часто съ великимъ княземъ и его супругою, она съумѣла, при своей наблюдательности, скоро оцѣнить ихъ обоихъ и понять, что очаровавшей ее великой княгинѣ будущее могло грозить тяжелыми сценами. И въ романтической, горячей головѣ молоденькой, жаждавшей подвиговъ, Дашковой намѣчается уже интересное предпріятіе: она должна помочь обожаемой ею высокой подругѣ избавиться отъ грозившихъ ей осложненій....

Между тѣмъ событія вскорѣ уже начали принимать такой оборотъ, что приходилось серьезно задумываться. Кончина императрицы Елисаветы приближалась,—и только самые недальновидные не могли видѣть, какими неудобствами грозили русскому обществу свойства наслѣдника государыни, нескрывавшаго своей любви ко всему прусскому и голштинскому, смѣявшагося надъ русскими обычаями, мечтавшаго о введеніи любимыхъ имъ, но чуждыхъ русской жизни, порядковъ и находившагося въ размолвкѣ съ своей женой. Это конечно для многихъ не составляло тайны, а для Дашковой, при ея близости ко двору, представлялось гораздо яснѣе, чѣмъ другимъ. При этихъ условіяхъ конечно и великая княгиня должна была дорожить горячимъ сочувствіемъ къ ней умной и энергичной Екатерины Романовны и можетъ быть втайнѣ лелѣять мысль объ утилизаціи этой энергіи для своихъ цѣлей.

Великая княгиня разъ въ недѣлю ѣздила въ Петергофъ, гдѣ

Московск. Обл. Библиотека

жила императрица Елисавета лѣтомъ и гдѣ находился, подъ личнымъ ея надзоромъ, Павелъ Петровичъ. Обыкновенно послѣ такихъ визитовъ будущая императрица заѣзжала за Дашковой и увозила ее къ себѣ, въ Ораніенбаумъ. При такихъ частыхъ свиданіяхъ эти двѣ женщины все болѣе и болѣе узнавали другъ друга и привыкали взаимно. Онѣ настолько сблизились, что, въ случаѣ нездоровья или другихъ обстоятельствъ, препятствовавшихъ личнымъ свиданіямъ, великая княгиня переписывалась съ своимъ другомъ. Эти письма, приложенныя къ лондонскому изданію записокъ Дашковой, являются памятникомъ отношеній двухъ знаменитыхъ женщинъ и ихъ первоначальной дружбы (можетъ быть и не особенно искренней со стороны Екатерины II) и указываютъ на тѣ интересы, которые ихъ занимали.

Сначала предметомъ письменныхъ сношеній служитъ литература. Корреспонденты снабжаютъ другъ друга книгами, мѣняются замѣтками и собственными сочиненіями. Въ «Собесѣдникѣ Любителей Россійскаго Слова», издававшемся впослѣдствіи Дашковой при Академіи Наукъ, помѣщено слѣдующее восторженное четверостишіе Екатерины Романовны, относящееся ко времени, о которомъ мы разсказываемъ, и посвященное будущей императрицѣ:

«Природа, въ свѣтъ тебя стараясь произвесть,
Дары свои на тя едину истощила,
Чтобы на верхъ тебя величія возвесть;
И, награждая всѣмъ, она насъ наградила!»

Великая княгиня отвѣчала на эту любезность восторженными строками: «какіе стихи, какая проза! И это—въ семнадцать лѣтъ! Я прошу,—нѣтъ, я умоляю васъ не пренебрегать такимъ рѣдкимъ талантомъ... Обвиняйте меня въ тщеславіи, въ чемъ угодно (такъ какъ стихи восхваляли ея особу), но я должна сознаться, что не знаю, приходилось-ли мнѣ когда-нибудь читать такое правильное поэтическое четверостишіе. Не менѣе цѣню его, какъ доказательство вашей любви, благодарю васъ сердцемъ и душой, только заклинаю любить меня... Я съ наслажденіемъ ожидаю тотъ день на будущей недѣлѣ, который вы обѣщали провести вмѣстѣ со мною, и надѣюсь, что это удовольствіе будетъ теперь продолжаться чаще...» Затѣмъ въ послѣдующихъ сношеніяхъ содержаніе переписки становится болѣе глубокимъ и въ ней уже возбуждаются политическіе и общественные вопросы. Будущая императрица посылаетъ своей пріятельницѣ для чтенія соб-

ственную рукопись подъ заглавіемъ: «Споръ между духовенствомъ и парламентомъ». «Пожалуйста,—пишетъ она при этомъ,—не показывайте ее никому и возвратите мнѣ какъ можно скорѣе. То же самое обѣщаю сдѣлать съ вашею книгою и рукописью, сейчасъ полученными. Надѣюсь, что вы посѣтите меня на будущей недѣлѣ... Смѣю лично увѣрить васъ въ моемъ уваженіи и преданности и, какъ всегда, со всѣмъ удовольствіемъ подписываюсь: «вашъ вѣрный другъ Екатерина».

И въ другихъ письмахъ будущей императрицы звучатъ эти, съ большимъ достоинствомъ выраженныя, увѣренія въ дружбѣ и любви. Несомнѣнно, что въ отвѣтъ на нихъ получалось самое восторженное изъявленіе преданности со стороны Дашковой и желаніе пожертвовать всѣмъ ради своей возвышенной дружбы.

Между тѣмъ событія шли своимъ чередомъ и дни больной Елисаветы были сочтены. Приходилось не на шутку безпокоиться всѣмъ тѣмъ, кто принималъ въ соображеніе интересы родины и замѣчалъ неудобныя свойства будущаго повелителя. Горькое раздумье посѣщало и тѣхъ, чья судьба была связана съ благоволеніемъ умиравшей императрицы и къ кому неблагосклонно относился ея наслѣдникъ. Не могла не задумываться и супруга послѣдняго.

Приходилось задумываться и Дашковой. Великій князь, сначала благоволившій къ ней, какъ и къ остальнымъ Воронцовымъ,—при первомъ-же свиданіи съ нею изъявилъ желаніе видѣть ее у себя каждый день. Однако ему пришлось вскорѣ съ неудовольствіемъ замѣтить, что Дашкова дорожитъ обществомъ его супруги болѣе, чѣмъ общеніемъ съ нимъ. Великій князь, отличавшійся въ сущности большой добротой и откровенностью, разъ даже сказалъ Дашковой:

— Дитя мое! Вамъ-бы очень не мѣшало вспомнить, что гораздо лучше имѣть дѣло съ честными простаками, каковы я и ваша сестра, чѣмъ съ великими умниками, которые выжмутъ сокъ изъ апельсина, а корку выбросятъ вонъ!

Но, разумѣется, княгиня не обращала вниманія на подобныя предостереженія, которыя впослѣдствіи до извѣстной степени оправдались на ея собственной судьбѣ.

При рѣзкости и пылкости своего характера, княгиня не стѣснялась вступать и въ опасныя пререканія съ великимъ княземъ. Разъ, на большомъ обѣдѣ, данномъ имъ во дворцѣ, разговоръ зашелъ при великой княгинѣ о гвардейцѣ Челищевѣ, ко-

тораго подозрѣвали въ ухаживаньяхъ за графинею Гендриковой, племянницей императрицы. Возбужденный виномъ, князь клялся, что велитъ отрубить голову Челищеву, для примѣра другимъ, за то, что тотъ осмѣлился влюбиться въ родственницу своей государыни. Дашкова не могла воздержаться отъ возраженія, что подобная мѣра кажется ей слишкомъ жестокой.

— Вы просто дитя,—сказалъ ей въ отвѣтъ на это великій князь:—ваши слова доказываютъ это; иначе вамъ было-бы извѣстно, что воздерживаться отъ смертной казни значитъ поощрять неповиновеніе и безпорядки всякаго рода.

— Но,—возразила Дашкова снова, между тѣмъ какъ всѣ молчали, съ любопытствомъ и удивленіемъ поглядывая на смѣлую собесѣдницу,—вы говорите о такомъ предметѣ и въ такомъ тонѣ, что подобный разговоръ можетъ крайне встревожить настоящее собраніе... Почти всѣ здѣсь присутствующіе жили въ такое царствованіе, когда о подобномъ наказаніи не было и помину...

— Это ничего не значитъ,—запальчиво продолжалъ собесѣдникъ Дашковой, — или, лучше сказать, въ этомъ-то и состоитъ причина нынѣшняго отсутствія дисциплины... Но, вѣрьте моему слову, вы не больше, какъ дитя, и ничего не понимаете въ этомъ дѣлѣ!

— Я охотно признаюсь,—отпарировала Дашкова,—что совершенно не въ состояніи понять доводовъ вашего высочества: но я очень помню одно: что ваша августѣйшая тетка еще живетъ и царствуетъ!

Поздней осенью 1761 г. было объявлено, что императрицѣ Елисаветѣ остается жить нѣсколько дней... Приближалась новая эра — и это влило свѣжія силы въ Дашкову. Хотя она была больна и не вставала съ постели, но, со свойственной ей рѣшимостью, поднялась, закуталась въ шубу и поѣхала во дворецъ, на Мойкѣ, гдѣ жила императрица и другіе члены царской фамиліи. При этомъ роковомъ свиданіи произошелъ знаменательный разговоръ Дашковой съ великой княгиней. Послѣдняя была уже въ постели; она знала, что Дашкова больна, и, предчувствуя, что приходъ больной—не спроста, немедленно приняла своего друга.

— Дорогая княгиня,—сказала хозяйка,—прежде, чѣмъ вы разскажете, что̀ привело васъ сюда въ такой необыкновенный часъ, постарайтесь согрѣться... Вы, право, слишкомъ пренебре-

гаете вашимъ здоровьемъ, которое такъ дорого князю Дашкову и мнѣ...

Больной гостьѣ, уложенной въ постель, она хорошо укутала ноги.

— Въ настоящемъ положеніи,—сказала Дашкова,—когда императрицѣ осталось жить только нѣсколько дней, можетъ быть даже нѣсколько часовъ, я не въ состояніи болѣе выносить мысли о неизвѣстности, въ которую будетъ ввергнуто ваше благополучіе приближающимся событіемъ... Неужели невозможно принять какія-нибудь мѣры противъ угрожающей опасности и разогнать тучи, которыя разразятся надъ вашей головой? Ради Бога, довѣрьтесь мнѣ, я достойна этого и еще болѣе докажу, что вы можете на меня положиться. Составили-ли вы какой-нибудь планъ? Приняли вы какія нибудь предосторожности для огражденія своей безопасности? Удостойте дать мнѣ приказанія и располагать мною...

Великая княгиня, прижавъ руку Дашковой къ сердцу и обливаясь слезами, сказала:

— Благодарю васъ, дорогая княгиня, благодарю такъ, что и выразить не въ состояніи, и съ полной откровенностью и правдой объявляю вамъ, что я не составляла никакого плана, что я не могу предпринять ничего, и думаю, что мнѣ остается только мужественно встрѣтить все, что-бы ни случилось...

— Въ такомъ случаѣ, — заявила энергичная Дашкова, — друзья должны дѣйствовать за васъ... Что-же касается меня, то я имѣю довольно силъ, чтобы одушевить ихъ всѣхъ... И на какую жертву я была-бы для васъ не способна!

При разставаньи друзья крѣпко обнялись, и княгиня Дашкова, исполненная рѣшимости немедленно дѣйствовать, поспѣшила вернуться домой.

Во всякомъ случаѣ, если и было прежде нѣкоторое недовѣріе къ 18-ти-лѣтней женщинѣ и великая княгиня боялась ей сообщить свои задушевныя мысли и желанія, то энергичность, горячая преданность и рѣшительность Дашковой наконецъ оказались въ состояніи побѣдить предубѣжденія противъ нея, и такимъ-то образомъ она, почти дѣвочкой по лѣтамъ, очутилась въ числѣ несомнѣнныхъ участниковъ широкаго и смѣлаго шага.

25-го декабря 1761 г., въ самый день Рождества, скончалась императрица Елисавета... Надежды многихъ унесла она съ собою въ могилу и многимъ развязывала руки... Фамилія Ворон-

цовыхъ съ новымъ воцареніемъ пріобрѣтала еще большее значеніе, нежели при покойной государынѣ; но для великой княгини и ея преданнаго друга Дашковой новый порядокъ вещей не улыбался. Первой, какъ извѣстно, приходилось получать не разъ и публичныя оскорбленія отъ своего супруга. Екатерина Романовна однако и передъ новымъ властелиномъ не робѣла; природная черта ея характера—рѣзкость—порой проявлялась и при очень неподходящей обстановкѣ.

Разъ, напримѣръ, Екатерина Романовна, бывши во дворцѣ, сѣла играть съ государемъ въ карты, въ его любимую игру. Проигравъ партію, Дашкова забастовала, такъ какъ игра была крупная и проигрышъ для нея очень чувствителенъ. Петръ III настаивалъ на продолженіи игры; Дашкова упорно отказывалась и наконецъ, послѣ нѣсколькихъ рѣзкихъ, несдержанныхъ словъ, поспѣшила уйти.

— Это бѣсъ, а не женщина! — восклицали ей вслѣдъ присутствующіе.

Вскорѣ подошло и еще событіе, которое, такъ сказать, переполнило чашу. Въ январѣ 1762 г. происходилъ обычный разводъ гвардіи. Вдругъ императоръ замѣтилъ, что рота князя Дашкова ошиблась въ маневрѣ; Петръ III сдѣлалъ жестокій выговоръ молодому человѣку; тотъ сначала въ почтительныхъ выраженіяхъ оправдывался, потомъ не выдержалъ и сталъ говорить рѣзко. Этотъ эпизодъ очень напугалъ княгиню и ея родныхъ: думали, что онъ не пройдетъ даромъ Дашкову, такъ какъ у послѣдняго были враги среди лицъ, окружавшихъ Петра III. Единственнымъ удобнымъ средствомъ являлось удаленіе князя на время изъ Петербурга. Для этого нашли благовидный предлогъ. Канцлеръ Воронцовъ, по просьбѣ племянницы, далъ ея мужу порученіе въ Константинополь съ оффиціальнымъ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ новаго императора.

Императрица утѣшала тосковавшую въ разлукѣ съ мужемъ княгиню. «Письма ваши такъ грустно настроены,—пишетъ она въ одной изъ своихъ записокъ Дашковой,—что я совѣтовала-бы вамъ менѣе сокрушаться объ отъѣздѣ нашего посланника и вѣрить тому, что онъ возвратится къ намъ цѣлъ и невредимъ; по крайней мѣрѣ я желаю этого для нашего общаго утѣшенія»...

Между тѣмъ работа въ пользу Екатерины кипѣла энергично и во всякомъ случаѣ Дашкова была одною изъ самыхъ горячихъ работницъ. Что дѣйствительно приверженцы будущей

«Семирамиды Сѣвера» работали съ успѣхомъ,—это доказывается очень быстрымъ осуществленіемъ ихъ желаній...

Петръ III ничего не хотѣлъ видѣть и слышать. Этотъ добрый государь, воротившій толпы ссыльныхъ прежнихъ царствованій, уничтожившій ненавистное «слово и дѣло», давшій «права вольности» дворянству, — велъ себя однако во многихъ отношеніяхъ нетактично и давалъ немало поводовъ для желаній объ измѣненіи наступившаго порядка вещей...

Итакъ, мы видимъ, что молоденькая княгиня лелѣяла очень рискованные и смѣлые планы и шла съ энергіей и настойчивостью къ ихъ исполненію. Это не можетъ намъ не представляться изумительнымъ по отношенію къ особѣ, едва только вышедшей изъ отроческихъ лѣтъ. Но для того, чтобы освѣтить эту рѣшимость Дашковой со всѣхъ сторонъ, мы должны указать на два чрезвычайно характерныхъ обстоятельства, какъ вообще по отношенію къ тому времени, такъ и въ частности, къ самой Екатеринѣ Романовнѣ.

Гордая, сознававшая свои силы и умственное превосходство, Дашкова не могла не завидовать своей простушкѣ сестрѣ Елисаветѣ, не обладавшей никакими особенными дарованіями, но которой судьба готовила высокую, блестящую будущность. Уже одинъ этотъ жестокій червь зависти долженъ былъ заставить Дашкову стать въ лагерь великой княгини, такъ какъ во всякомъ случаѣ въ другомъ лагерѣ ей была суждена далеко не первая роль. Какъ, «толстушка» Елисавета, не обладавшая ни красотой, ни особеннымъ умомъ, ни энергіей, — должна была получить высокій удѣлъ избранницы? Она уже украсилась орденомъ Екатерины,—отличіемъ принцессъ крови,—а у Дашковой ничего этого не было! Гордая и достаточно тщеславная княгиня не могла переносить такого униженія равнодушно. И не особенно ошибется тотъ, кто въ зависти къ счастливой сестрѣ будетъ видѣть могущественный болѣе, чѣмъ многіе другіе, рычагъ того, что Екатерина Романовна стала страстнымъ партизаномъ императрицы.

Уже въ эти юные годы выступаетъ въ судьбѣ Дашковой трагическая черта: она становится жестокимъ врагомъ своей счастливой сестры и всей родни, благосостояніе которой связывалось съ прежнимъ порядкомъ вещей, противъ котораго выступала противницкомъ энергичная Екатерина Романовна. И за это ей

конечно пришлось поплатиться: вся родня не взлюбила ее, а отецъ нѣсколько лѣтъ не хотѣлъ даже видѣться съ нею.

Мы не будемъ долго останавливаться на описаніи знаменитаго событія 28-го іюня 1762 г. Оно подробно описано и извѣстно почти во всѣхъ своихъ деталяхъ. Мы отмѣтимъ только нѣкоторыя подробности, имѣющія отношеніе къ героинѣ этого очерка.

Когда былъ арестованъ Пассекъ и Екатерина Романовна (какъ она разсказываетъ въ своихъ запискахъ) отправила Алексѣя Орлова въ Петергофъ къ императрицѣ, гдѣ всегда, по предусмотрительности Дашковой, стояла на готовѣ коляска.—юная заговорщица провела мучительную и страшную ночь, какихъ по всей вѣроятности ей не приходилось переживать впослѣдствіи. Ей то грезились восторги ликующаго народа, встрѣчающаго обожаемую государыню, сіяющую и лучезарную, — и она, Дашкова, принимаетъ сама участіе въ славѣ этого подвига; то, наоборотъ, чудились самыя страшныя картины: расплата за смѣлый шагъ.. Страшная ночь наконецъ прошла, и утро 28-го іюня 1762 г. возвѣстило о новой, ставшей столь знаменитой, императрицѣ... Дашкова въ это утро не была при встрѣчѣ государыни въ гвардейскихъ казармахъ. Но она прямо, надѣвши парадное платье, поѣхала въ Зимній дворецъ. Здаліе было окружено громадной толпой и солдатами. Княгиня не могла протискаться сквозь массы народа, но ее скоро узнали, тотчасъ-же подняли на руки и пронесли надъ толпой, которая осыпала ее привѣтствіями и благословеніями. Княгиня въ измятомъ и порванномъ платьѣ, съ испорченной прической, предстала передъ своей обожаемой пріятельницей. Онѣ мгновенно очутились въ объятіяхъ другъ-друга. «Слава Богу, слава Богу!»—только онѣ и могли произнести въ первую минуту...

«Въ это мгновеніе я испытала такое счастье, какое едва-ли приходилось испытать кому-либо изъ смертныхъ!»—разсказываетъ княгиня въ своихъ запискахъ объ этихъ минутахъ встрѣчи съ счастливой государыней. Хотя эти записки, откуда приходится брать подробности многихъ похожденій Екатерины Романовны, выставляютъ обыкновенно автора въ слишкомъ хорошемъ свѣтѣ, и имъ нужно пользоваться съ извѣстной осторожностью, но разсказъ о чудныхъ минутахъ встрѣчи друзей, послѣ пережитыхъ мучительныхъ ожиданій и тоски, представляется вполнѣ правдивымъ. Однако эти часы высокаго счастья были непродолжительны, и вскорѣ уже отношенія недавнихъ прія-

тельницъ приняли далеко не такой дружественный оттѣнокъ... Не обошлось во время этихъ важныхъ и трогательныхъ событій безъ нѣкоторыхъ оригинальныхъ эпизодовъ. Дашкова облеклась въ военный мундиръ и рядомъ съ Екатериной, во главѣ гвардейскихъ полковъ, выступила въ Петергофъ. Имъ по дорогѣ пришлось отдыхать въ Красномъ кабачкѣ, и Дашкова вмѣстѣ съ императрицей расположились въ грязномъ трактирѣ на одной постели, воспользовавшись при этомъ шинелью полковника Карра. Забыты были всѣ тревоги и опасенія, безсонныя ночи и усталость!

Эти дни были полны для Дашковой кипучихъ заботъ: она всюду поспѣвала, распоряжалась, и возможно, что уже тогда съумѣла проявить ту самостоятельность характера, которая могла охладить къ ней императрицу даже въ первые «медовые» часы ихъ торжества.

Вступленіе государыни изъ Петергофа въ столицу было необыкновенно торжественно. Музыка, колокольный звонъ, клики ликующаго народа—все это представляло оживленную картину. Въ глубинѣ храмовъ виднѣлись группы священнослужителей, совершавшихъ торжественные молебны... Это были лучшіе часы въ жизни Дашковой... Она гарцовала на копѣ рядомъ съ обожаемой императрицей; она имѣла конечно основанія считать себя однимъ изъ главныхъ виновниковъ торжества и вѣроятно относила къ своей особѣ часть гремѣвшихъ кругомъ привѣтственныхъ кликовъ... По словамъ ея записокъ, она готова была плакать отъ умиленія, «участвуя въ благословеніяхъ перевороту, не запятнанному ни одною каплею крови»...

Но если Дашкова ликовала, то близкіе ей люди испытывали совсѣмъ другое настроеніе въ эти минуты общаго торжества. И Екатерина Романовна у подъѣзда лѣтняго дворца разсталась не на долго съ императрицей, чтобы поспѣшить къ своимъ роднымъ.

Извѣстно, съ какимъ тактомъ и добротою поступила Екатерина II со своими недоброжелателями изъ семьи Воронцовыхъ: они нисколько не пострадали. Мало того, государыня впослѣдствіи даже у самой Елисаветы Воронцовой (въ замужествѣ Полянской) крестила дочь и затѣмъ взяла ее во фрейлины.

Дашкова нашла великаго канцлера спокойнымъ. Онъ, какъ извѣстно, велъ себя безукоризненно въ этой исторіи, и хотя его вліяніе пало, но ни совѣсть, ни люди не могли упрекнуть сановника за неблагородное поведеніе въ щекотливые дни замѣны

одного режима другимъ. Екатерина Романовна, при свиданіи съ дядей, услышала отъ него благородныя и горькія слова, оправдавшіяся потомъ и на его племянницѣ. Онъ говорилъ ей объ опасности довѣряться дружбѣ «великихъ міра»: «она такъ-же непродолжительна, какъ и ненадежна!» — сказалъ канцлеръ, вынесшій эту истину изъ своего собственнаго опыта.

Романъ Илларіоновичъ, у котораго была и дочь Елисавета, находился подъ почетнымъ арестомъ: въ домѣ его, подъ благовиднымъ предлогомъ охраны хозяина, помѣстили много солдатъ. Отецъ Дашковой вовсе не былъ склоненъ благословлять наступившія событія, и весьма сомнительно, чтобъ его встрѣча съ напроказившей младшей дочерью была такъ для нея благопріятна, какъ разсказываетъ о томъ Екатерина Романовна. Она обнадежила въ милостяхъ государыни заливавшуюся горькими слезами сестру Елисавету и поспѣшила во дворецъ.

Маленькое облачко уже пролетѣло между недавними друзьями по поводу распоряженій Дашковой въ домѣ отца,—и Екатерина встрѣтила княгиню не совсѣмъ милостиво; однако сцена закончилась торжественнымъ возложеніемъ на молоденькую героиню красной Екатерининской ленты, прежде бывшей на самой императрицѣ. И хотя Дашкова, въ своихъ запискахъ, хочетъ снять съ себя всякіе упреки въ тщеславіи и высказываетъ равнодушіе къ внѣшнимъ условностямъ, — она однако не могла не питать удовольствія, получивъ этотъ высокій знакъ отличія, которому такъ еще недавно завидовала, видя его на «толстушкѣ» сестрѣ Елисаветѣ.

Много выпало хлопотъ и волненій за іюньскіе дни на Дашкову: тоскливыя, безсонныя ночи, горькія мысли о возможной неудачѣ, страшная физическая усталость; но все это безслѣдно исчезло въ томъ безпредѣльномъ восторгѣ отъ успѣха задуманнаго дѣла, который смѣнилъ дни сомнѣній и тоски...

Такъ закончилось знаменитое предпріятіе. Екатерина Романовна поработала на славу и, казалось, могла-бы разсчитывать на прочную привязанность въ сердцѣ той, которую она такъ любила и за которую такъ рисковала. Но ей пришлось очень скоро вспомнить глубокомысленныя сентенціи дяди о «непрочности» привязанностей «великихъ міра»...

III.

Надежды и разочарованія.

Отношенія двухъ знаменитыхъ женщинъ.—«Романтизмъ» и личные интересы въ побужденіяхъ Дашковой. — Сцена въ каретѣ. — Несправедливость государыни.—Неудобства для нея отъ сосѣдства Дашковой.—Степень важности участія Дашковой въ іюньскомъ событіи.—Свидѣтельство канцлера.—Ожиданіе чрезвычайныхъ отличій.—Скромная награда.—Веселые дни во дворцѣ.—«Небесная музыка».—Смерть сына.—Униженіе въ коронацію.—Статсъ-дама.—Подозрѣнія на Дашкову.—Записка императрицы.—Смерть князя Дашкова.—Просьба вдовы къ государынѣ.—Хозяйство Дашковой.—Разговоръ съ Дидро о крѣпостныхъ.—Строгая помѣщица.—Дѣятельная натура Дашковой.

Въ отношеніяхъ двухъ знаменитыхъ женщинъ прошлаго столѣтія—княгини Дашковой и императрицы Екатерины II—психологъ найдетъ подтвержденіе той истины, которая иллюстрируется и другими многочисленными примѣрами,—между прочимъ и яркой исторіей королевъ Елисаветы англійской и Маріи Стюартъ,—что и крупныя женскія личности способны обладать мелкими недостатками: завистью къ достоинствамъ другихъ женщинъ. Конечно умная женщина не можетъ не быть чуткой къ проявленію нравственныхъ и умственныхъ силъ: она легко способна удивляться и подчиняться имъ, въ особенности если силы эти проявляются въ мужчинѣ. Но присутствіе тѣхъ-же самыхъ свойствъ у особы женскаго пола, да еще неспособной на скромное утаиваніе своихъ преимуществъ,—а къ такому типу должна быть отнесена княгиня Дашкова,—могло быть антипатично и даже ненавистно женщинѣ (въ нашемъ случаѣ Екатеринѣ II), способной однако восторгаться ими у мужчинъ.

Мы конечно далеки отъ того, чтобъ приписывать Екатеринѣ Романовнѣ только одни идеальныя стремленія въ разсказан-

ной нами исторіи и видѣть въ ея дѣйствіяхъ проявленія лишь высоко-патріотическаго подвига. Муціи Сцеволы и Горація Коклесы принадлежатъ главнымъ образомъ къ такому періоду человѣческой исторіи, когда «я» инстинктивно отожествляется съ понятіями «общества» и «государства». Возможны конечно такіе-же необычайные подвиги и во имя глубокой потребности пострадать за идею, за «ближнихъ», и тѣмъ принести счастье людямъ. Но, какъ мы видѣли, такіе элементы могли играть лишь незначительную роль въ рѣшимости княгини Дашковой: у нея было достаточно реальныхъ побужденій личнаго характера, чтобъ пойти на совершенный ею подвигъ. Да и по самымъ условіямъ жизни и воспитанія въ томъ кругѣ, гдѣ вращалась Дашкова и гдѣ внѣшній успѣхъ и блескъ считались величайшимъ счастьемъ, трудно было-бы ожидать отъ нея безкорыстнаго побужденія пострадать во имя счастья людей. Хотя Екатерина Романовна и приводитъ въ запискахъ немало примѣровъ своего, будто-бы, отрицательнаго отношенія къ личнымъ выгодамъ, но, разумѣется, къ этимъ свидѣтельствамъ автора, весьма естественно склоннаго выставлять свои дѣйствія въ лучшемъ свѣтѣ, нужно относиться съ осторожностью: слишкомъ много имѣется доказательствъ того, что «бренныя блага», третировавшіяся княгинею на словахъ съ высоты философскаго величія, на дѣлѣ представлялись ей весьма цѣнными.

Въ запискахъ княгини есть занимательный разсказъ объ этомъ «безкорыстіи на словахъ» ихъ автора. Когда императрица возвращалась изъ Петергофа въ каретѣ, пригласивъ въ нее Дашкову, графа Разумовскаго и князя Волконскаго, то между дамами произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Чѣмъ я могу отблагодарить васъ за ваши услуги?—самымъ дружескимъ тономъ спросила императрица Дашкову.

— Чтобъ сдѣлать меня счастливѣйшей изъ смертныхъ,—громко, въ духѣ псевдо-классическихъ героевъ Расина, отвѣчала та,—нужно немного: будьте матерью отечества и позвольте мнѣ остаться вашимъ другомъ!

— Все это составляетъ мой долгъ; но мнѣ-бы хотѣлось нѣсколько облегчить себя отъ бремени той признательности, которую я къ вамъ чувствую...

— Я думаю,—возразила Дашкова,—что услуги, оказанныя другомъ, не могутъ никогда сдѣлаться бременемъ.

Не правда-ли, какія громкія, безкорыстныя слова? Какъ-

будто читаешь сцену изъ классической трагедіи съ высокаго «калибра» героями, говорящими отборнымъ языкомъ самыя отборнѣйшія фразы! Но это, высказанное въ каретѣ, отреченіе отъ личныхъ выгодъ однако не помѣшало княгинѣ Дашковой впослѣдствіи просить и получить немало и на свой пай «презрѣннаго металла»...

Но, говоря о тѣхъ причинахъ, которыя привели Дашкову къ рѣшимости дѣйствовать, мы должны указать и на то, что въ тѣ молодые годы у княгини, при ея восторженномъ настроеніи, не могло быть только исключительно однихъ практическихъ соображеній: у нея было несомнѣнно много романтическаго задора и искренняго энтузіазма въ пользу своего обожаемаго друга-императрицы. Не забудемъ помимо того, что она была достаточно умна, чтобы понимать всю выгодность и для государства грядущей перемѣны. И если мы сравнимъ ея дѣйствія съ дѣйствіями другихъ участниковъ, исключительно руководившихся личными видами, безъ всякихъ извиняющихъ романтическихъ мотивовъ, то должны отдать безусловное предпочтеніе Екатеринѣ Романовнѣ передъ многими изъ нихъ.

Какъ-же былъ оцѣненъ этотъ энтузіазмъ Дашковой и ея энергическая дѣятельность Екатериной II? Во всякомъ случаѣ недостаточно, и государыня была во многомъ несправедлива къ своей страстной партизанкѣ. Довольно удовлетворительнымъ объясненіемъ этого факта можетъ служить то, что Екатерина II, сама горѣвшая жаждой подвиговъ, долженствовавшихъ прославить ея имя на весь міръ, не хотѣла раздѣлять этой славы,—въ особенности въ первое время царствованія,—съ другой женщиной: она не могла терпѣть около себя молодой, умной, образованной и энергичной особы, не стѣснявшейся говорить рѣзкостей и не способной на скромную роль только одобряющей слушательницы. Въ началѣ царствованія Екатерины II участіе въ управленіи государственными дѣлами такой самолюбивой личности, какъ Дашкова, когда еще сама государыня не успѣла пріобрѣсти популярности, могло казаться ей опаснымъ для собственной репутаціи. Извѣстно, что Екатерина II всячески старалась показать различнымъ европейскимъ знаменитостямъ, что только она сама, одна, завѣдуетъ всѣми государственными дѣлами. Можетъ быть конечно и самыя свойства характера Дашковой, любившей во все вмѣшиваться и играть доминирующую роль, въ связи съ вышеуказанной причиной бусловили быстрое охлажденіе къ ней государыни.

Прежде всего представляется интереснымъ вопросъ, насколько было крупно участіе княгини Дашковой въ событіяхъ, подготовившихъ 28-е іюня 1762 г. Весьма вѣроятно, что отъ нея, въ особенности вначалѣ, многое скрывалось, когда еще не убѣдились въ ея искренности и способности помогать дѣлу. Но представляется положительно несправедливымъ то умаленіе ея значенія въ этомъ событіи, которое видно въ отзывахъ Екатерины II, напримѣръ, въ письмѣ къ Понятовскому. «Княгиня Дашкова,—пишетъ государыня,—младшая сестра Елисаветы Воронцовой, хотя она хочетъ приписать себѣ всю честь этого переворота,—была на весьма худомъ счету, благодаря своей роднѣ, а ея девятнадцати-лѣтній возрастъ не вызывалъ къ ней большого довѣрія. Она думала, что все доходитъ до меня не иначе, какъ черезъ нее... Наоборотъ, нужно было скрывать отъ княгини Дашковой сношенія другихъ со мною втеченіи шести мѣсяцевъ, а въ четыре послѣднія недѣли ей старались говорить какъ можно менѣе»... «Выведите изъ заблужденія, прошу васъ,—пишетъ далѣе Екатерина II,—этого великаго писателя (Вольтера)»...

«Великій писатель», мнѣніемъ котораго такъ дорожила «Семирамида Сѣвера», былъ «введенъ въ заблужденіе» Шуваловымъ, разсказавшимъ ему о выдающейся роли Дашковой въ іюньскомъ событіи,—и это было очень непріятно государынѣ...

Приведя это письмо, мы должны привести и замѣчанія на него, выраженныя Екатериной Романовной въ посланіи къ ея другу мистриссъ Гампльтонъ. «Императрица увѣряетъ,—пишетъ Дашкова,—что я мало участвовала въ этомъ дѣлѣ и была не что иное, какъ честолюбивая простофиля... Я не могу себѣ представить, чтобъ такое возвышенное существо, какъ императрица, могло говорить такимъ образомъ о бѣдной своей подданной такъ скоро послѣ того, какъ эта самая личность обнаружила безконечную къ ней преданность и рисковала, служа ей, потерять голову на плахѣ».

Въ этихъ трогательныхъ и благородныхъ словахъ звучитъ сомнѣніе въ подлинности помянутаго письма къ Понятовскому.

Если и нельзя безъ оговорокъ принимать разсказа Дашковой о названномъ событіи, въ которомъ она, будто-бы, оказывается главнымъ двигателемъ, то во всякомъ случаѣ имѣется не мало безпристрастныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ о томъ, что ея роль не была такъ незначительна, какъ это старались представить недоброжелатели княгини. Если среди военныхъ главная

дѣятельность принадлежала Орловымъ, то весьма значительная роль должна быть отведена и Дашковой, набиравшей союзниковъ для дѣла среди высокопоставленныхъ слоевъ общества. Хорошія отношенія къ дядѣ Н. И. Панину, воспитателю Павла Петровича, очень пригодились Дашковой. Вообще знакомства и связи племянницы великаго канцлера были такъ обширны и энергія ея вмѣстѣ съ умомъ и образованіемъ такъ выдавались надъ общимъ уровнемъ, что все это представляло благодарныя условія для успѣшной дѣятельности. И нужно сознаться, что многія дѣйствія княгини были разумны, осторожны и ловки.

Помимо другихъ свидѣтельствъ (напримѣръ депешъ англійскихъ посланниковъ и пр.), при оцѣнкѣ дѣятельности Дашковой для насъ представляется достаточнымъ указаніе такого компетентнаго свидѣтеля, какъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ. И это показаніе тѣмъ болѣе цѣнно, что оно принадлежитъ свидѣтелю, очень враждебно настроенному противъ племянницы и склонному скорѣе пріуменьшать ея успѣхи и дѣла. Въ письмѣ къ племяннику Александру Романовичу, отъ 21-го августа 1762 года, великій канцлеръ, весьма рѣзко аттестуя племянницу, говоритъ однако: «Правда, она имѣла большое участіе въ благополучномъ восшествіи на престолъ всемилостивѣйшей нашей государыни, и въ томъ мы ее должны весьма прославлять и почитать»...

Намъ кажется интереснымъ одно замѣчаніе, приводимое въ запискахъ Екатерины Романовны по поводу событія, о которомъ мы разсказываемъ. «Если-бы—говоритъ она—участники искренно сознались, какъ много они обязаны случаю и удачѣ успѣхомъ, то менѣе-бы гордились!»

Какъ-бы то ни было, Екатерина Романовна сама считала себя крупнѣйшей пособницей своего друга и вправѣ была разсчитывать на особенныя, необычайныя отличія. Сохранились свѣдѣнія, что она желала получить чинъ полковника гвардіи и занять постоянное мѣсто въ засѣданіяхъ высшаго государственнаго совѣта. И это весьма правдоподобно по отношенію къ самолюбивой и энергичной женщинѣ, уже привыкшей къ обсужденію государственныхъ вопросовъ и такъ блестяще выступившей на аренѣ отечественной исторіи. Тѣмъ тяжелѣе было убѣдиться Екатеринѣ Романовнѣ, что ее «выбрасываютъ за бортъ», и притомъ очень скоро, что она оправдала на себѣ замѣчаніе Петра III о выжатомъ и брошенномъ апельсинѣ. Всего печальнѣе для кня-

гини было то обстоятельство, что побѣдившими ее соперниками въ исканіи дружбы государыни были люди, о которыхъ Дашкова совсѣмъ и не думала. Въ этомъ отношеніи очень интересной представляется сцена ея встрѣчи въ Петергофѣ съ Григоріемъ Орловымъ, о которой Дашкова разсказываетъ въ своихъ запискахъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ воцаренія, розданы были награды пособникамъ Екатерины. Княгиня разсчитывала на какую нибудь исключительную милость, но ей, какъ и другимъ второстепеннымъ участникамъ, было дано 24.000 р., представлявшихъ стоимость 600 крестьянъ. Княгиня, будто-бы, сначала не хотѣла получать этой суммы, но потомъ, убѣжденная друзьями, согласилась предоставить ее кредиторамъ своего мужа, долги котораго приблизительно составляли такую цифру.

Гордому и чувствительному сердцу княгини нанесенъ былъ такимъ образомъ сильный ударъ. Мечты о власти, о первенствѣ съ государыней, о вліяніи на нее—должны были отлетѣть далеко. Екатерина II предпочла для этого другихъ лицъ.

Но во всякомъ случаѣ первое время Дашкова была близка къ Екатеринѣ II, и бывали минуты, которыя онѣ проводили просто и задушевно, по старому; тогда сбрасывался придворный этикетъ, и онѣ вспоминали прежніе, въ дружбѣ и сердечныхъ бесѣдахъ проводимые дни.

Князь Дашковъ, немедленно возвратившійся изъ своей поѣздки, былъ назначенъ императрицей командиромъ л.-гв. кирасирскаго полка. Супруги перебрались во дворецъ. Обѣдали они съ императрицей, а ужинали въ собственныхъ комнатахъ, приглашая обыкновенно не мало и посторонпихъ. Если и исчезла мечта объ исключительной дружбѣ до гроба съ императрицей, то, какъ мы сказали, нерѣдко послѣдняя, отбросивъ всякія церемоніи, весело проводила время въ обществѣ Дашковыхъ и проказничала, какъ капризное дитя. Несмотря на то, что Екатерина II не особенно любила музыку, она охотно слушала пѣніе княгини. Порою, подавъ знакъ князю Дашкову, государыня пресерьезно затягивала съ нимъ ужасный, рѣзавшій уши концертъ, который они называли «небесной музыкой». Нерѣдко концертъ сопровождался самыми раздирательными криками и уморительными гримасами...

Но бывали и недоразумѣнія, случались и непріятныя сцены. У княгини главными недоброжелателями были близкіе въ это время императрицѣ Орловы; а при такихъ условіяхъ конечно трудно было предполагать возвращеніе прежнихъ отношеній;

притомъ, какъ мы уже ранѣе сказали, характеръ Дашковой былъ не изъ такихъ, чтобъ способствовать сглаженію неровностей и улаживать дѣло уступками.

Осенью 1762 г. дворъ отправился на коронацію въ Москву; въ свитѣ государыни были и Дашковы. Дорогою, подъ Москвою, княгиня узнала, что ея маленькій сынъ Миша, оставленный у свекрови, умеръ. Мать провела нѣсколько дней въ слезахъ, отказалась участвовать въ процессіи торжественнаго въѣзда въ Москву и старалась избѣгать всякихъ общественныхъ удовольствій. Изъ того факта, что княгиня узнала о смерти своего сына отъ другихъ, мы можемъ вывести заключеніе, какъ поглотила ее политическая роль и какой заманчивой представлялась ей слава, что въ погонѣ за нею она забыла о малюткѣ, оставленномъ въ деревнѣ.

Въ коронацію Дашкову ждало новое огорченіе. Церемоніалъ былъ устроенъ такъ, что Екатеринѣ Романовнѣ, претендовавшей на самую крупную роль въ предшествовавшихъ событіяхъ, было отведено, какъ женѣ полковника, при торжествѣ въ соборѣ не особенно почетное мѣсто: сзади, на подмосткахъ. Намъ это обстоятельство конечно не можетъ казаться очень важнымъ; но какую бурю страданій оно причинило гордой, самолюбивой Дашковой! Она однако храбро заняла свое мѣсто, не хотѣла показать малодушія и смѣло выдерживала двусмысленные взгляды окружающихъ... Княгиня смотритъ на свое поведеніе въ этомъ случаѣ какъ на геройское; и это обстоятельство, что она придавала такъ много значенія малостоющей обрядности,—даетъ намъ поводъ подозрѣвать искренность философскихъ ея тирадъ противъ «суетныхъ отличій»...

Во всякомъ случаѣ, въ спискахъ наградъ по поводу коронаціи Дашковы заняли не послѣднее мѣсто, и княгиня получила званіе статсъ-дамы государыни.

Однако только этимъ внѣшнимъ знакомъ благоволенія милости государыни и ограничились: прежніе друзья были далеки теперь душой. Хотя празднества въ Москвѣ безпрерывно слѣдовали одно за другимъ, но княгиня проводила время въ семейномъ кругу, нигдѣ не появлялась и не показывалась даже во дворцѣ. Это было несомнѣннымъ знакомъ совершеннаго охлажденія къ ней государыни.

Мы не будемъ разсказывать здѣсь о томъ, что происходило въ Москвѣ въ это время, когда, благодаря честолюбивымъ видамъ

Орловыхъ, вызвавшимъ недовольство большого круга лицъ, возникли извѣстныя волненія, душою которыхъ былъ Хитрово, одинъ изъ участниковъ событія 28-го іюня. Прошлое Дашковой, ея рѣшительность и недовольство являлись конечно основательнымъ предлогомъ для обвиненія ея въ участіи и въ этихъ событіяхъ, что̀ однако было совершенно несправедливо. Императрица, недовольная ею, подозрѣвала во многомъ свою недавнюю поклонницу. Княгиня не сдерживалась въ разговорахъ, и ея смѣлыя рѣчи доходили до государыни, что, разумѣется, еще болѣе подливало масла въ огонь.

Въ маѣ мѣсяцѣ, въ то время, когда княгиня, недавно разрѣшившаяся отъ бремени, лежала въ постели, мужъ ея получилъ черезъ Теплова слѣдующую записку отъ государыни: «Я искренно желала-бы не предавать забвенію услугъ княгини, и мнѣ очень прискорбно ея неосторожное поведеніе. Напомните ей объ этомъ, князь, такъ какъ она позволяетъ себѣ нескромную свободу языка, доходящую до угрозъ».

Эта записка, въ связи съ другими обстоятельствами, такъ подѣйствовала на княгиню, что она сильно заболѣла, и окружающіе даже опасались за ея жизнь.

Но императрица, несмотря на перемѣну отношеній, исполнила свое обѣщаніе: она была воспріемницей новорожденнаго сына Дашковой. Впрочемъ на этой формальности все и окончилось: государыня даже не спрашивала о здоровьѣ матери новорожденнаго. Вскорѣ Дашкова, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, должна была съ мужемъ даже уѣхать изъ Москвы, а по разсказу Дидро только болѣзнь спасла ее отъ ареста.

Такъ покончились на долго добрыя отношенія недавнихъ друзей; они возобновились съ болѣе мирнымъ оттѣнкомъ долго спустя, когда Екатерина II не могла уже опасаться, что ея упрочившейся славѣ повредитъ популярность Дашковой, и когда сама княгиня, наученная горькимъ опытомъ жизни, стала нѣсколько тактичнѣе и даже научилась говорить несовсѣмъ заслуженные комплименты.

Въ концѣ декабря 1763 г. княгиня, оправившись отъ болѣзни, явилась въ Петербургъ; но Дашковымъ уже не было мѣста во дворцѣ: они поселились въ наемномъ домѣ.

Когда въ 1763 г. императрица отправила войска на западъ поддержать кандидатуру Понятовскаго на польскій престолъ, то въ числѣ выступившихъ въ походъ генераловъ былъ и

Дашковъ. Лѣто 1764 г. княгиня провела на дачѣ своего родственника, Куракина, въ полномъ уединеніи, съ дѣтьми и дѣвицей Каменской. Обстоятельства складывались такъ, что опять навлекали подозрѣніе на княгиню. По сосѣдству жилъ родственникъ ея, Петръ Ивановичъ Панинъ. Его посѣщалъ между прочимъ Мировичъ. Конечно и Дашкова встрѣчалась съ нимъ у родственника. Посѣщенія Мировича отнесли на счетъ Дашковой, имѣвшей уже весьма «красную» репутацію. Это было такимъ обстоятельствомъ, которое отнюдь не могло охладить непріязни къ ней императрицы. Однако и въ этомъ случаѣ, какъ и раньше, вся вина Дашковой была лишь въ томъ, что она не стѣснялась громко и откровенно высказывать свои мысли.

Въ домѣ своей тетки Паниной въ сентябрѣ 1764 г. княгиня узнала о смерти своего мужа, ставшаго жертвой лихорадки во время переходовъ съ отрядомъ. Княгиня лишилась чувствъ при этомъ печальномъ извѣстіи. Но она была не изъ такой породы, чтобъ долго позволять себѣ «разнюниваться» и сентиментальничать. Ея, и тогда уже обладавшая большими задатками практичности, живая, жаждавшая дѣятельности натура скоро нашла выходъ изъ охватившей ее грусти. Если Дашковой не удалась та роль, которую она думала разыгрывать въ общественной жизни, то теперь сама собою ясно обозначилась передъ нею цѣль: воспитаніе дѣтей и приведеніе въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ мужа.

Князь Дашковъ, — добродушный и хорошій человѣкъ, — не обладавшій особенными дарованіями (хотя княгиня и расписываетъ его самыми радужными красками въ своихъ мемуарахъ въ этомъ смыслѣ), былъ бонвиваномъ, не прочь покутить, завести интрижку и вообще сдѣлать то, что было въ нравахъ тогдашней молодежи. Конечно его дѣла не могли быть особенно въ порядкѣ, и честь приведенія ихъ въ блестящій видъ принадлежитъ его молоденькой вдовѣ, доказавшей своей дѣятельностью, что она не меньше смыслитъ и въ практическихъ, дѣловыхъ вопросахъ, какъ и въ политикѣ съ наукой.

Вскорѣ послѣ смерти мужа вдова написала письмо къ Екатеринѣ II, — письмо, свидѣтельствующее, что Дашкова отнюдь не пренебрегала «просить» и пользоваться изъ того источника, откуда черпали всѣ тогдашнія лица ея круга. Приводимый ниже отрывокъ изъ этого посланія довольно живо иллюстрируетъ непослѣдовательность философіи автора «мемуаровъ» и разладъ его «теоріи» съ практикой.

Описавъ трогательными чертами,—обычная манера всѣхъ подобныхъ просительныхъ писемъ,—свое печальное положеніе послѣ смерти мужа, княгиня заканчиваетъ: «я себя и съ моими младенцами повергаю къ монаршимъ стопамъ вашимъ: воззрите, всемилостивѣйшая государыня, милосердымъ окомъ на плачущую вдову съ двумя сиротами, простите щедрую свою руку и спасите насъ, несчастныхъ, отъ паденія въ бѣдность!»

Хороша бѣдность «философа», обладавшаго нѣсколькими тысячами *душъ!* И какъ не похожъ авторъ этого шаблоннаго письма на гордаго автора записокъ, гдѣ высказываются благороднымъ языкомъ многія возвышенныя истины!

Молоденькая вдова, рѣшивъ не продавать ни одной пяди родовой земли, съумѣла въ нѣсколько лѣтъ уплатить долги мужа и привести въ отличный видъ свое хозяйство. Нерѣдко это достигалось, даже въ тѣ молодые годы, путемъ чрезмѣрной экономіи и несовсѣмъ благосклоннаго отношенія къ своимъ «вассаламъ»—*душамъ*. Какъ это ни грустно, но слѣдуетъ отмѣтить въ романтической княгинѣ Дашковой весьма практическія свойства,—черта, отмѣчаемая единогласно всѣми ея современниками... Казалось-бы, «дистанція огромнаго размѣра» между идеальными воззрѣніями на обязанности къ обществу, какъ о томъ трактуется на многихъ страницахъ записокъ, и самою обыкновенною, чичиковскою практичностью, обнаруженною на дѣлѣ; но душа человѣческая такова, что въ ней нерѣдко способны совмѣщаться крайнія противорѣчія...

Всѣ эти 4—5 лѣтъ, отъ смерти мужа до первой поѣздки княгини за-границу (въ 1769 г.), не представляются интересными для біографіи Дашковой: все это время она не играла никакой роли, благодаря неблаговоленію императрицы; жила большей частью въ имѣніяхъ мужа (изъ которыхъ любимое—Троицкое) и посѣщала родныхъ и знакомыхъ. Романтическая княгиня въ названные годы самымъ мѣщанскимъ образомъ «копила» деньги,—и здѣсь не будетъ неумѣстнымъ взглянуть на то, какими это средствами достигалось. Мы потомъ подробно скажемъ о мелкимъ чертахъ скупости, которая была главнымъ образомъ свойственна княгинѣ уже въ старости,—а здѣсь бросимъ взглядъ на отношенія Дашковой къ крестьянамъ. Тутъ, какъ и раньше мы могли-бы догадаться, «практика» жестоко шла въ разрѣзъ съ «теоріей».

Въ интересномъ разговорѣ съ Дидро о «крѣпостныхъ», происшедшемъ за время первой поѣздки Дашковой за-границу,—

княгиня высказала, что прежде она думала объ этомъ предметѣ (освобожденіи крестьянъ) то же самое, что́ и знаменитый собесѣдникъ, но «теперь,—говорила она,—я вижу ясно, что лишь образованіе ведетъ за собой свободу, а не наоборотъ: свобода безъ образованія—анархія... Если-бы низшій классъ въ нашемъ отечествѣ былъ образованъ, то онъ заслуживалъ-бы освобожденія»...

Невольно хотѣлось-бы тутъ сказать словами Гейне:

Этой пѣсни давно ужъ знакомъ намъ напѣвъ,
Да и авторы тоже знакомы:
Проповѣдуютъ воду намъ пить и вино
Проповѣдники кушаютъ дома...

Краснорѣчіе Дашковой, будто-бы, было такъ поразительно, что Дидро воскликнулъ:

— Что за женщина! Вы въ одно мгновеніе перевернули въ моей головѣ понятія, выработанныя впродолженіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ!

Мы позволимъ замѣтить, что если и сказалъ знаменитый энциклопедистъ эти слова, приводимыя въ запискахъ Дашковой, то это было, такъ сказать, лишь façon de parler,—тою лестью,—часто совершенно безшабашною, — которая вошла въ обычай у французовъ при объясненіяхъ съ знатными и на которую такъ былъ щедръ даже отчаянный насмѣшникъ Вольтеръ. Во всякомъ случаѣ, эти слова не могли соотвѣтствовать задушевнымъ идеямъ Дидро, которыя онъ проводилъ въ своихъ произведеніяхъ.

Дашкова, разумѣется, не была «жестокою» помѣщицею; она была «разумная хозяйка» и болѣе соотвѣтствовала тому типу патріархальныхъ господъ-отцовъ своихъ дѣтей-крестьянъ, который выставляется съ такой любовью у всѣхъ защитниковъ стараго режима. Она при томъ допускала ограниченіе крѣпостного права и, какъ англоманка, распространяла этотъ принципъ «ограниченія» и на всѣ другія сферы власти.

Дашкова, — и это было вообще въ ея характерѣ, — не особенно мягко относилась къ крестьянамъ и собирала съ нихъ большіе оброки. Такъ напримѣръ, во время пребыванія княгини за-границей дочь ея продала изъ Новгородскаго имѣнія Коротова 100 душъ. Узнавъ объ этомъ, княгиня разсердилась на дочь, выслала покупателю деньги 4000 р., да съ крестьянъ собрала съ этой цѣлью столько-же и взяла Коротово въ свое вла-

дѣніе. Затѣмъ ею отданъ былъ приказъ: «деньги 4000 рублей, кои вы для выкупа внесли, разложите на всѣхъ Коротовскихъ крестьянъ поровну, а за то даю на четыре года вамъ льготы— ни копѣйки не платить оброку, а послѣ 4 лѣтъ только по два рубля съ души мнѣ платить будете». Это составляло за 4 года, по числу крестьянъ, оброку по 7 рублей съ души, — сумма для того времени очень большая.

За выводимыхъ изъ своей вотчины «дѣвокъ» княгиня приказывала присылать по 100 рублей съ каждой. За всякую провинность предписывались ею строгія наказанія, и вообще всѣ отношенія помѣщицы къ подвластнымъ крѣпостнымъ были соотвѣтственны съ высказанными въ разговорѣ съ Дидро принципами о необходимости узды для «необразованныхъ». Въ одномъ изъ своихъ писемъ Дашкова приказываетъ: «выбрать вамъ въ старосты таковаго всѣмъ міромъ, чтобъ могъ вести строго, и богатымъ не мирволилъ, и за непорядокъ всякаго жестоко наказывалъ; притомъ объявить на сходкѣ, если богатые пожелаютъ откупиться на вѣкъ на волю, чтобъ записаться въ мѣщане или купечество, то на всякое то семейство прислать мнѣ реестръ, сколько мужескаго и женскаго пола душъ въ немъ находится, и почему за семейство въ откупъ кто что станетъ давать...»

Справедливость однако требуетъ сказать, что большинство распоряженій княгини были хотя и строги, но разумны.

Мы до сихъ поръ знали Дашкову, какъ свѣтскую особу и участника политическаго движенія. А чтобы дополнить портретъ деревенской Дашковой (портретъ очень характерный), приведемъ еще нѣкоторыя черты изъ писемъ миссъ Вильмотъ, долго жившей въ Троицкомъ, извѣстномъ помѣстьѣ княгини.

Несомнѣнно Дашкова была очень дѣятельной и живой натурой: это проявлялось въ ней втеченіи всей ея жизни. Когда ей недоступна уже была широкая сфера дѣятельности, она старалась вникать во всѣ подробности той маленькой сферы, которая, въ видѣ родовыхъ помѣстій, была ей подвластна. «Дашкова,—говоритъ въ одномъ изъ писемъ миссъ Вильмотъ,—помогаетъ плотникамъ воздвигать стѣны, собственными руками участвуетъ въ прокладываніи новыхъ дорогъ, кормитъ коровъ, сочиняетъ музыкальныя пьесы, пишетъ для печати. Она громко говоритъ въ церкви и поправляетъ священника, если онъ невнимателенъ; она громко толкуетъ въ своемъ маленькомъ театрѣ и подсказываетъ актерамъ, когда они забываютъ свои роли. Она

сама и докторъ, и аптекарь, и фельдшеръ, и кузнецъ, и обойщикъ, и судья, и маклеръ...».

И въ то же самое время она ведетъ обширную переписку съ братомъ, философами и художниками! Невѣроятная, энциклопедическая дѣятельность!

Но какъ ни расположена къ Дашковой миссъ Вильмотъ и какъ ни мягко она сообщаетъ о подробностяхъ ея жизни, все-таки даже въ этомъ благопріятномъ разсказѣ сквозятъ знакомыя намъ черты крѣпостныхъ нравовъ, выше которыхъ княгиня головой вовсе не выдѣлялась. Она напоминаетъ намъ типичныхъ помѣщичьихъ вдовъ, которыми такъ была богата крѣпостная Россія и которыя, потерявъ мужа, очень скоро оріентировались въ несложной сферѣ крѣпостного хозяйства и часто превосходили мужчинъ дѣловитостью и даже суровостью.

Практичность и дѣловитость Дашковой, указывающія на то, что у нея всякій грошъ былъ на счету, сквозятъ во всѣхъ ея дѣйствіяхъ. Вотъ напримѣръ отрывокъ изъ письма ея къ брату Александру Романовичу въ Лондонъ,—письма, подобныхъ которому конечно не мало найдется въ корреспонденціи княгини. «Прошу ко мнѣ прислать,—пишетъ она,—три дюжины ножей безъ черенковъ, но одно желѣзо для того, что желѣзо здѣсь дурно дѣлаютъ, а англицкія эти лезвія я придѣлаю къ серебрянымъ моимъ черенкамъ...»

Чертами «практичности» знаменитой княгини и эпизодами довольно курьезнаго свойства изъ этой области можно было-бы наполнить цѣлые десятки страницъ.

IV.

За-границей.

Цѣли и причины поѣздки.—Просьбы объ отпускѣ къ Екатеринѣ II.—Пособіе на поѣздку.—Встрѣча съ Фридрихомъ Великимъ.—Знакомство съ Гамильтонъ. — Частыя свиданія съ Дидро. — Портретъ Дашковой, описанный Дидро. — Раннял старость княгини. — Свиданіе съ Вольтеромъ. — Споръ о Руссо.—Возвращеніе на родину.—Хорошій пріемъ, оказанный императрицей.—Участіе Дашковой въ литературныхъ предпріятіяхъ.—Знакомство съ Потемкинымъ.—Думы о воспитаніи дѣтей.—Невѣроятное количество знаній сына Дашковой. — Вторая поѣздка за-границу.—«Блестящее» образованіе сына. — Заботы объ его карьерѣ.—Встрѣча съ Григоріемъ Орловымъ.—Знаменитые знакомые Дашковой. — Нетактичность съ королевой. — Поѣздки по Европѣ.—Разговоръ съ Кауницемъ о Петрѣ I.—Дашкова спѣшитъ на родину.

Княгиня Дашкова еще дѣвочкой, живя у дяди-канцлера, интересовалась за-границей и грезила о поѣздкѣ туда. Разсказы многочисленныхъ иностранцевъ, бывавшихъ въ домѣ Воронцова, о чудесахъ на ихъ родинѣ, о шумной общественной жизни, памятникахъ искусства и науки, о формахъ правленія — все это интриговало живое воображеніе дѣвушки. Но потомъ политика вовлекла ее въ свой водоворотъ; заботы семейной жизни, желаніе вернуть себѣ прошлое при дворѣ значеніе, смерть мужа и хлопоты по имѣніямъ — все это надолго задержало на родинѣ княгиню. Наконецъ наступила возможность осуществить желаніе юности — кстати это теперь было и очень удобно, чтобы дать время изгладиться на родинѣ неблагопріятнымъ воспоминаніямъ у государыни. Это было удобно и для самолюбія Дашковой: опала, тяготѣвшая надъ нею, нерѣдко вѣроятно ставила въ двусмысленное положеніе привыкшую къ возвышенію надъ толпой княгиню.

Поѣздка Дашковой по Европѣ такимъ образомъ объясняется простымъ любопытствомъ, желаніемъ освѣжиться, увидѣть новыя страны, ознакомиться съ новыми порядками. Наконецъ и вышеуказанная причина—нерасположеніе государыни—могла быть однимъ изъ поводовъ для заграничной прогулки. Но Дашкова любила объяснять самыя повидимому простыя свои дѣйствія громкими мотивами. Главной причиной поѣздки было, по объясненію Екатерины Романовны, желаніе увезти дѣтей отъ дурного вліянія родственниковъ и прислуги. Кромѣ того ей хотѣлось имѣть и хорошихъ учителей, которыхъ трудно было достать на родинѣ, гдѣ вовсе не утрированными карикатурами въ ту эпоху были фонвизинскіе педагоги—Вральманъ, Цыфиркинъ и Кутейкинъ. Княгиня, по ея словамъ, хотѣла закончить и свое собственное образованіе.

Во всякомъ случаѣ, и въ этихъ путешествіяхъ сказались свойственныя Дашковой энергія и любознательность. Поѣздки княгини (ихъ было двѣ) представляютъ интересъ во многихъ отношеніяхъ: ей пришлось встрѣчаться со многими тогдашними европейскими знаменитостями и дѣлиться съ ними мыслями; онѣ представляютъ много характерныхъ чертъ того времени и выясняютъ намъ многіе взгляды и стороны самой путешественницы.

Дашкова еще въ 1768 году письменно изъ деревни обратилась къ Екатеринѣ за разрѣшеніемъ заграничнаго путешествія, но письмо ея было оставлено безъ отвѣта. Тогда она предприняла поѣздку по Россіи и только въ 1769 году лично у императрицы, свиданіе съ которой было самое оффиціальное, выпросила себѣ разрѣшеніе на заграничный вояжъ. Передъ отъѣздомъ къ ней явился чиновникъ и привезъ ей 4000 р. на расходы отъ государыни. Эта «малость» очень удивила Дашкову и она, по разсказу въ ея запискахъ, составила реестръ только самымъ необходимымъ покупкамъ, а остальное, и при томъ бо́льшую часть, будто бы, отдала привезшему деньги.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то противорѣчіе, которое является въ показаніяхъ княгини на счетъ ея отношеній къ милостямъ свыше. Съ одной стороны, она говоритъ о своемъ безкорыстіи, а съ другой—возмущается «ничтожными подачками». И страннѣе всего то, что она, третируя ихъ, все-таки подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ, какъ бы по независящимъ отъ нея причинамъ, находитъ возможность пользоваться ими.

Дашкова съ двумя дѣтьми, дѣвицей Каменской и другими

спутниками выѣхала за-границу въ декабрѣ 1769 года. Она соблюдала инкогнито и назвала себя Михалковой, по имени одной изъ деревень ея мужа. Конечно въ этой поѣздкѣ княгиня не могла измѣнить своей привычкѣ къ экономіи, и ея вояжъ былъ обставленъ весьма скромно. Но Дашкову слѣдуетъ похвалить за то, что̀ составляло отличіе ея отъ другихъ бонвиванствующихъ за-границею россіянъ: она не жалѣла денегъ на пріобрѣтеніе дѣйствительно цѣнныхъ предметовъ науки и искусства, которые впослѣдствіи составили ея знаменитый кабинетъ естественной исторіи.

Въ Берлинѣ она не хотѣла было представляться Фридриху II, такъ какъ ея инкогнито мѣшало этикету.

— Этикетъ—глупость!—сказалъ на это Фридрихъ Великій, обыкновенно не особенно долюбливавшій женщинъ, да еще ученыхъ,—Дашкова будетъ принята при моемъ дворѣ подъ какимъ угодно именемъ!

Однако эта любезность не мѣшала тому же Фридриху, какъ разсказываетъ графъ Сегюръ, зло смѣяться надъ Дашковой и называть ее, по поводу участія въ іюньскомъ событіи, «мухой на рогахъ пашущаго вола».

Въ Спа Дашкова познакомилась съ мистриссъ Гамильтонъ и другими англичанами. Съ первой изъ нихъ она заключила тѣсный дружескій союзъ. Знакомство съ этой особой было очень важно для княгини по тѣмъ послѣдствіямъ, которыя оно повлекло за собой. Кузина мистриссъ Гамильтонъ — миссъ Вильмотъ — прожила впослѣдствіи очень долго въ Россіи у Дашковой и усладила своей дружбой послѣдніе дни старухи, покинутой дѣтьми и печально проживавшей въ деревнѣ. Эта же миссъ Вильмотъ, какъ извѣстно, издала въ свѣтъ интересныя записки княгини.

Въ Спа произошло знакомство и съ знаменитымъ Неккеромъ. Вмѣстѣ съ новыми знакомыми англичанами княгиня жила и путешествовала въ Англіи, отлично усвоивъ англійскій языкъ. Не мѣшаетъ отмѣтить эту черту привязанности Дашковой ко всему англійскому. Княгиня походила въ этомъ отношеніи на своихъ братьевъ. Какъ извѣстно, Александръ и Семенъ Романовичи прослыли на родинѣ даже «англоманами». Весьма возможно, что свойства англійскаго типа очень подходили къ той положительности и дѣловитости, которыя были характерными чертами братьевъ Воронцовыхъ и ихъ прославившейся сестры.

Въ Парижѣ Дашкова очень часто видѣлась съ Дидро. Мы уже

приводили выше сущность ихъ бесѣды о крѣпостныхъ. Дашкова заключила съ знаменитымъ энциклопедистомъ искреннюю дружбу, и они долго переписывались. Нужно замѣтить, что княгиня вела себя за-границею въ высшей степени тактично, и ея отзывы объ императрицѣ были всегда восторженны. Это было прекрасной тактикой, и въ позднѣйшемъ возвращеніи благоволенія государыни не малую роль сыграли письма къ ней Дидро и Вольтера, гдѣ послѣдніе передавали «Семирамидѣ» о восторженныхъ восхваленіяхъ ея Дашковой. Княгиня дошла въ своей тактичности и осторожности до того, что послѣдовала совѣту Дидро и не приняла Рюльера, автора извѣстныхъ мемуаровъ, гдѣ на долю Екатерины II-й приходилось не мало колкостей. Княгиня Дашкова была очарована Дидро: «Міръ не съумѣлъ достойно оцѣнить это необыкновенное существо!»— съ энтузіазмомъ восклицаетъ она въ своихъ запискахъ. И Дидро, въ свою очередь, оставилъ намъ чрезвычайно сочувственный и, можетъ быть, слишкомъ пристрастный портретъ княгини, нѣкоторыя черты котораго, относящіяся къ ея внѣшнимъ качествамъ, мы приводили выше. «Она серьезна по характеру, — говоритъ Дидро о Дашковой,—обыкновенно не высказываетъ того, что думаетъ, но если говоритъ, то просто и съ истиннымъ убѣжденіемъ... душа ея потрясена несчастіемъ. Ея убѣжденія основательны и кругозоръ обширенъ. Она смѣла и горда. Она проникнута отвращеніемъ къ деспотизму и къ тому, что болѣе или менѣе походитъ на тиранію. Она хорошо знаетъ русскихъ государственныхъ людей и откровенно высказываетъ свое мнѣніе о нихъ, хваля ихъ достоинства и въ то же время рѣзко отзываясь о недостаткахъ. Она также рѣшительна въ своей ненависти, какъ и въ дружбѣ. У нея есть проницательность, хладнокровіе, вѣрныя сужденія».

Въ этомъ любопытномъ портретѣ, изъ котораго мы сдѣлали лишь извлеченіе, можно не согласиться только съ характеристикой скромности Дашковой, не любившей, будто бы, чтобы ей удивлялись,—хотя, наоборотъ, ея тщеславіе бьетъ, такъ сказать, изъ подъ каждой написанной ею строки, изъ подъ каждаго сказаннаго ею слова. Изъ сообщеннаго Дидро видно, что заботы и волненія, пережитыя княгиней, необычайно состарили ее и разстроили здоровье. Во время свиданій съ Дидро Дашкова была 27-ми лѣтъ, но ей по виду можно было дать 40 лѣтъ.

Въ Женевѣ она увидѣлась съ Вольтеромъ, передъ которымъ

привыкли благоговѣть и она, и ея августѣйшій другъ и сочиненіями котораго зачитывались обѣ. Она выразила желаніе посѣтить фернейскаго отшельника и получила письмо отъ него, начинающееся такъ: «Фернейскій старикъ, почти слѣпой и удрученный страданіями, поспѣшилъ бы упасть къ ногамъ княгини Дашковой, когда бы его не удерживали болѣзни». Вольтеръ привѣтливо приглашалъ путешественницу къ себѣ.

Она его вскорѣ посѣтила, но вынесла не совсѣмъ то представленіе о личности знаменитаго писателя, которое составила себѣ по его произведеніямъ. Старикъ принялъ ее любезно, но не меньшую любезность обнаружилъ и къ двумъ откупщикамъ изъ Парижа, обѣдавшимъ съ ними. Разговаривали о самыхъ неинтересныхъ предметахъ. При встрѣчѣ не обошлось безъ тѣхъ льстивыхъ словъ, которыми былъ такъ богатъ въ необходимыхъ случаяхъ насмѣшливый языкъ этого писателя. Вольтеръ сидѣлъ въ большомъ креслѣ больной, страждущій.

— Что я слышу?—преувеличенно льстиво привѣтствовалъ онъ гостью.—Даже голосъ ея—голосъ ангела!

Потомъ, посѣщая за-просто Вольтера, она забыла впечатлѣніе перваго свиданія и наслаждалась бесѣдою этого кумира всѣхъ высокихъ особъ, передъ которыми такъ умѣло балансировалъ знаменитый фернейскій отшельникъ, давая имъ порой жестокіе щелчки въ своихъ произведеніяхъ.

Эта первая поѣздка Дашковой за-границу изобиловала цѣлымъ рядомъ дорожныхъ приключеній и была интересна по той непринужденности и простотѣ, которой она отличалась. Изъ Швейцаріи путешественники поѣхали на лодкахъ по Рейну, останавливались во многихъ мѣстахъ и осматривали достопримѣчательности. Дашкова съ Каменской сами нерѣдко отправлялись на рынки за провизіей.

Во Франкфуртѣ княгиня встрѣтилась съ учившимся тамъ младшимъ Орловымъ. Въ своихъ мемуарахъ она разсказываетъ, какіе споры велись ею съ юношей—поклонникомъ Руссо, между тѣмъ какъ Дашкова, пропитанная аристократическими стремленіями, относилась съ большой антипатіей къ демократическимъ идеямъ и личности швейцарскаго философа.

Вообще эта поѣздка освѣжила нравственныя силы княгини, подбодрила ее. Но путешественницу уже тянуло въ Россію, гдѣ въ это время свирѣпствовала чума, похитившая и многихъ изъ ея крестьянъ. Затѣмъ она узнала въ Ригѣ, что Паниинъ продалъ

дешево ея домъ—все это такъ разстроило княгиню, что она нѣсколько дней пролежала больная.

Время смягчило гнѣвъ императрицы и нерасположеніе родныхъ противъ Дашковой. Послѣдняя, по пріѣздѣ въ Петербургъ, остановилась у своей сестры Елисаветы. Тутъ же она увидѣлась и съ отцомъ, съ которымъ послѣдовало, послѣ долгой размолвки, окончательное примиреніе. Опала, такъ печально отразившаяся на Дашковой, разсѣялась, и Екатерина II была не прочь привѣтливо встрѣтить своего стараго друга. Къ тому же враги княгини—Орловы (по крайней мѣрѣ она ихъ считала врагами) сходили со сцены. А съ другой стороны, тактичное поведеніе Дашковой за-границей и ея восторженные отзывы о государынѣ, доведенные до свѣдѣнія послѣдней ея иностранными корреспондентами (въ томъ числѣ Дидро и Вольтеромъ), все это приготовило почву для примиренія, хотя о прежней близости не могло быть и рѣчи.

Императрица оказала Екатеринѣ Романовнѣ прекрасный пріемъ, а выданныя ею большія суммы на покупку имѣнія не мало способствовали умиротворенію недовольства княгини государыней. Время до своего второго путешествія, совершеннаго черезъ пять лѣтъ послѣ возвращенія изъ перваго (1771 г.), княгиня большей частью проводила въ Москвѣ и въ тиши деревенскаго уединенія, читая книги, занимаясь воспитаніемъ дѣтей и благоразумно прикапливая капиталы. Нужно замѣтить, что, возвратившись изъ перваго путешествія, Дашкова принимаетъ участіе въ литературныхъ дѣлахъ. Такъ, она основываетъ вмѣстѣ съ другими «вольное россійское собраніе» при Московскомъ университетѣ и печатаетъ «Опытъ о торгѣ» Гюма (Юма) и др. Но первое печатное произведеніе ея пера—это переводъ вольтеровскаго «Опыта объ эпическомъ стихотворствѣ», помѣщенный въ московскомъ ежемѣсячномъ журналѣ «Невинныя упражненія» (1762—1763 г.). Не забудемъ здѣсь сказать, что княгиня впослѣдствіи пожертвовала Московскому университету богатый, собранный ею втеченіи 30-ти лѣтъ, кабинетъ естественной исторіи. Этотъ замѣчательный даръ, цѣнившійся въ 50 тысячъ рублей, погибъ въ пожарѣ 1812 года, какъ погибло тогда много рѣдкихъ предметовъ, причемъ и богатая библіотека княгини была тоже расхищена.

Въ одну изъ частыхъ поѣздокъ въ Москву княгиня у Еропкина познакомилась съ Потемкинымъ. Интересно, что съ этимъ

могущественнымъ человѣкомъ, котораго братья ея звали не иначе, какъ «бичомъ Россіи», княгиня поддерживала довольно благопріятныя отношенія. Во всякомъ случаѣ Дашкова не разъ черезъ него обращалась съ просьбами къ государынѣ и вообще вела съ нимъ дружбу.

Теперь княгиню занимали заботы о воспитаніи сына. Вообще она въ приписываемыхъ ей нѣкоторыхъ журнальныхъ статьяхъ того времени высказывала не мало дѣльныхъ мыслей о воспитаніи. Она осуждала наше общество, пристрастное ко всему французскому, называя это «мартышествомъ»; говорила, что «воспитаніе болѣе примѣрами, нежели предписаніями преподается». Она высказывала ту мысль, что высшее «совершенное воспитаніе должно состоять изъ физическаго, нравственнаго и школьнаго или классическаго». А этимъ условіямъ конечно не удовлетворяла тогда Россія. По выработанному княгиней плану для воспитанія сына, чего только не полагалось знать послѣднему: онъ долженъ былъ «объять необъятное»! Этимъ воспитаніемъ Дашкова хотѣла можетъ быть прославиться не менѣе, чѣмъ своимъ первымъ общественнымъ подвигомъ. Но (и въ этомъ странная иронія судьбы) какое могло найти примѣненіе это всестороннее образованіе въ тогдашней Россіи? Оно, какъ что-то совершенно наносное, исчезло кажется безъ слѣда у ея сына, мучившагося надъ науками и ѣздившаго даже за ученымъ дипломомъ въ Эдинбургъ—столицу Шотландіи, чтобы забыть всѣ эти мудреныя вещи сейчасъ же по пріѣздѣ на родину.

Вотъ какими знаніями обладалъ ея сынъ, когда ему было только тринадцать лѣтъ, по крайней мѣрѣ такъ писала мать извѣстному ученому, ректору Эдинбургскаго университета Робертсону: «Въ латинскомъ языкѣ трудности уже преодолены. По-англійски князь хорошо понимаетъ прозаическихъ писателей и порядочно—поэтовъ. По-нѣмецки онъ понимаетъ все, что́ читаетъ. Французскій знаетъ, какъ родной. Изъ литературы онъ ознакомился съ большинствомъ лучшихъ трудовъ, и его вкусъ уже болѣе развитъ, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ этомъ возрастѣ. По математикѣ онъ уже сдѣлалъ успѣхи и можетъ рѣшать нѣкоторыя сложныя задачи; но я желала бы, чтобы онъ продолжалъ ею заниматься, начиная съ алгебры. Я желала бы, чтобы онъ совершенно понималъ гражданскую и военную архитектуру... Онъ знаетъ всеобщую исторію и частныя исторіи Германіи, Франціи и Англіи»...

Вотъ что зналъ въ 13 лѣтъ этотъ замѣчательный мальчикъ! Но княгинѣ было мало перечисленнаго выше, и она желала, чтобы онъ, занимаясь тѣми предметами, которые уже усвоилъ, изучилъ еще (и все это въ $2^1/_2$ года): 1) логику съ психологіей, 2) опытную физику, 3) нѣкоторыя данныя изъ химіи, 4) философію съ естественной исторіей, 5) естественное право, публичное и общее право и право отдѣльныхъ лицъ; все это въ приложеніи къ законамъ и обычаямъ европейскихъ народовъ, 6) этику и 7) политику...

Какой длинный реестръ знаній, достойный огромнаго ума и памяти Аристотеля, долженъ былъ усвоить мальчикъ и въ такой сравнительно непродолжительный срокъ пребыванія Дашковыхъ въ Шотландіи! Но кажется здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, княгиня хотѣла главнымъ образомъ удовлетворить тщеславной страсти и блеснуть передъ цѣлымъ міромъ программой необыкновеннаго воспитанія. Она не заботилась объ усвоеніи сыномъ хотя бы менѣе обширнаго круга знаній, но за то болѣе основательно... И весьма возможно, что мальчикъ переучился, получилъ отвращеніе къ наукѣ, все это вскорѣ позабылъ и вообще всѣмъ своимъ будущимъ печально компрометировалъ «хваленое» воспитаніе матери, надъ которымъ такъ жестоко насмѣхалась императрица Екатерина.

Въ 1775 году дворъ пріѣзжалъ въ Москву праздновать заключеніе, послѣ первой войны, мира съ Турціей. Княгиня принимала участіе въ этихъ празднествахъ. Еще до отъѣзда государыни Дашкова испросила у нея разрѣшеніе на 2-е путешествіе, для помѣщенія сына въ университетъ. Между прочимъ она въ первую поѣздку дала обѣщаніе увидѣться съ своимъ другомъ, мистриссъ Гамильтонъ, въ Спа черезъ пять лѣтъ и поселиться въ томъ домѣ, который тогда только что начали строить. Мы не можемъ слѣдить за всѣми подробностями этого продолжительнаго путешествія (съ 1776 по 1782 г.), но отмѣтимъ его интереснѣйшіе эпизоды.

Князь Дашковъ, поступившій въ Эдинбургскій университетъ, въ 1779 г. въ маѣ окончилъ свое образованіе и, при единодушныхъ рукоплесканіяхъ толпы, какъ разсказываетъ Дашкова, съ блестящимъ успѣхомъ выдержалъ экзаменъ на степень магистра изящныхъ искусствъ.

Въ то время, какъ ея сынъ занимался въ университетѣ, княгиня пріобрѣла массу знакомствъ среди знаменитостей (Адамъ

Смитъ, Робертсонъ и другіе). Нужно сказать, что въ XVIII столѣтіи Шотландія и Эдинбургъ были однимъ изъ самыхъ блестящихъ научныхъ центровъ въ Европѣ. На лѣтнее время Дашкова обыкновенно уѣзжала съ мистриссъ Гамильтонъ въ горы Шотландіи. Эти годы она сама называетъ счастливѣйшими и спокойнѣйшими въ своей жизни. Въ Эдинбургѣ Дашкова наняла квартиру въ Голирудѣ, бывшемъ когда-то дворцомъ шотландскихъ королей. Къ ея спальнѣ примыкалъ кабинетъ Маріи Стюартъ. Это сосѣдство съ комнатами несчастной королевы, судьба которой воспламеняла воображеніе геніальнѣйшихъ поэтовъ, заставляло нерѣдко и Дашкову думать о непрочности и суетности земного величія. Впрочемъ эту истину не разъ пришлось испытать княгинѣ и непосредственно на самой себѣ.

Но, давъ своему сыну такое обширное, по крайней мѣрѣ по количеству изучавшихся имъ наукъ, образованіе, какъ же думала княгиня утилизировать такую умственную силу? Увы, въ этомъ вопросѣ Дашкова не возвышалась надъ общимъ уровнемъ: всѣ ея заботы были направлены лишь къ тому, чтобы сынъ сдѣлалъ карьеру въ смыслѣ блеска внѣшнихъ отличій и полученія побольше на свой пай благъ земныхъ. Впрочемъ другого трудно было и ожидать отъ княгини, зная ея практичность и тщеславіе, а также общественныя условія.

Княгиню за все время ея путешествія волновали заботы о сынѣ. Она пишетъ угодливыя письма къ всемогущему Потемкину о зачисленіи «магистра искусствъ» въ гвардію и о его производствѣ и очень печалится, не получая отвѣта отъ «свѣтлѣйшаго».

Послѣ окончанія сыномъ ученія Дашкова снова путешествуетъ по западной Европѣ. Въ Лейденѣ она встрѣтилась съ Григоріемъ Орловымъ. Княгиня еще не знала, что ея недоброжелатель получилъ позволеніе путешествовать.

— Я пришелъ къ вамъ не какъ врагъ, а какъ другъ,— сказалъ Орловъ и предлагалъ ей свои услуги.

Какой блестящій рядъ лицъ, съ которыми княгиня часто встрѣчалась и вела оживленную переписку, мелькаетъ въ ея запискахъ! У Даламбера въ Парижѣ сынъ ея бралъ уроки математики. Дидро, Малербъ, Неккеръ, аббатъ Рейналь — вотъ ея парижскіе постоянные посѣтители и знакомые. Въ домѣ Полиньякъ она встрѣтилась съ королевой. Та похвалила ея дѣтей въ особенности за то, что они хорошо танцуютъ, и выразила при этомъ огорченіе, что она должна отказаться отъ этого удовольствія,

такъ какъ законы свѣта осуждаютъ занятіе этимъ «спортомъ» въ двадцати-пятилѣтнемъ возрастѣ. Дашкова съ обычной живостью сказала:

— Не одобряю такого запрещенія! Это гораздо естественнѣе и лучше, чѣмъ играть въ карты.

Такое замѣчаніе было большой нетактичностью, такъ какъ королева страстно любила карты. На другой день во всѣхъ парижскихъ высшихъ кругахъ только и говорили, — сообщаетъ княгиня,—что о ея несчастной болтовнѣ.

Посреди этого потока знаменитыхъ знакомствъ, въ промежуткахъ свиданій съ міровыми извѣстностями, — въ Парижѣ, въ Италіи, въ Голландіи, при восхожденіи на Везувій,— вездѣ княгиню безпокоила мысль о неполученіи отвѣтовъ отъ князя Потемкина на счетъ судьбы ея сына.

Между прочимъ она просила племянника «свѣтлѣйшаго»— Сомойлова—похлопотать за нее передъ дядей, что̀ тотъ и обѣщалъ. Изъ Ливорно Дашкова отправила Екатеринѣ II планъ карантина для борьбы съ эпидеміями и при этомъ случаѣ искусно просила государыню о сынѣ.

Въ Римѣ она познакомилась съ кардиналомъ Берни, аббатомъ Гальяни; пробралась и къ самому Пію VI. Она серьезно изучала памятники искусства. Жизнь она вела систематически-аккуратную, и время путешественницы не проходило даромъ. У нея часто собирались художники и работали. Сынъ учился гравированію и акварельной живописи. Изъ Италіи она увезла немало рѣдкихъ картинъ, эстамповъ, камей и другихъ предметовъ искусства.

Наконецъ ее очень обрадовалъ отвѣтъ Екатерины, и возможно, что въ этомъ дѣлѣ помогъ Дашковой Потемкинъ. Государыня благодарила за присылку плана карантина и писала, что позаботится о сынѣ. Вообще письмо было милостивое, и съ этой минуты княгиня спѣшитъ на давно уже покинутую ею родину.

Въ Вѣнѣ, при свиданіи съ Кауницемъ, Дашкова, во время спора о Петрѣ, высказала свой взглядъ на этого государя, котораго она недолюбливала, и, какъ піонерка равноправности женщинъ, противопоставляла ему обожаемую государыню. Сущность ея взгляда на Петра была та, что онъ повернулъ слишкомъ круто. Вышло бы гораздо болѣе прочно, если бы это было осуществлено постепенными реформами. Кауницъ указалъ на трогательное зрѣлище «царя-работника» съ топоромъ въ рукахъ.

— Вы знаете лучше, — сказала на это рѣшительно Дашкова,— что монарху нѣтъ времени заниматься дѣлами простого рабочаго!

Въ другой разъ, впослѣдствіи, на родинѣ она негодовала на мнѣніе, что женщина не можетъ управлять государствомъ. Она называла Петра «tyran brutal», «невѣждою, который жертвовалъ хорошими учрежденіями, законами, правами и преимуществами своихъ подданныхъ обуявшей его страсти къ преобразованіямъ, къ измѣненію всего существующаго строя жизни».

Со стороны такого страстнаго партизана императрицы, какъ Дашкова, въ своемъ лицѣ доказавшей, что женщина способна на проявленіе дѣятельности въ разнообразныхъ сферахъ, вышесказанное мнѣніе не должно казаться парадоксальнымъ.

Въ Берлинѣ опять Фридрихъ II оказалъ необычайные для этого монарха знаки вниманія Дашковой. Во время развода и парада король подскакалъ къ княгинѣ, приглашенной на смотръ войскъ, спрыгнулъ съ лошади и, снявъ шляпу, бесѣдовалъ съ гостьей. Это было настолько необыкновенно для третировавшаго женщинъ короля, что на другой день за ужиномъ у королевы Дашковой замѣтили, что исторія будетъ говорить о ней, какъ о личности, въ пользу которой Великій Фрицъ сдѣлалъ исключеніе изъ своихъ правилъ.

Но какъ ни хорошо было за-границею, какъ ни были велики тріумфы тамъ княгини,—ей нужно было торопиться на родину. Теперь она ѣхала туда съ гордымъ сознаніемъ совершеннаго ею дѣла: она везла получившаго блестящее образованіе сына. Ее ждало милостивое вниманіе императрицы, для чего конечно пущены были Дашковою въ ходъ многія средства. На родинѣ ее ждала дѣятельность во главѣ высшаго ученаго учрежденія: президентство въ Академіи Наукъ. И назначеніемъ на эту должность Дашковой Екатерина съ одной стороны хотѣла оригинальностью выбора увеличить блескъ своего царствованія и показать европейскимъ свѣтиламъ науки и литературы независимость своихъ убѣжденій и отсутствіе въ нихъ рутины, а съ другой — дать Дашковой доказательство примиренія съ нею и возвращенія когда то утраченнаго довѣрія.

V.

Почетъ и невзгоды.

Отзывы современниковъ о Дашковой, какъ о замѣчательной женщинѣ.—Академія Наукъ.—Разобщенность ея съ «живыми силами» страны.—Милости государыни.—Пожалованіе имѣнія «Круглое».—Ходатайство передъ Потемкинымъ.—Назначеніе директоромъ Академіи Наукъ.—Дѣятельность Дашковой въ этомъ учрежденіи.—«Собесѣдникъ».—Кружокъ лучшихъ литераторовъ.—Активъ въ управленіи Дашковой.—Пассивъ и курьезы.—«Россійская Академія».—Непрочность дружбы съ Екатериною II.—Процессъ о «свиньяхъ».—Рѣзкость княгини.—«Вадимъ Новгородскій».—Отпускъ.—Смерть Екатерины II.—Ожиданіе расплаты.—Ссылка.—Письмо къ Павлу I.—Милость императора.—Ожиданіе перемѣнъ.—Воцареніе Александра I.—Фаворъ Дашковой.—Уплата за нее императоромъ долга банку.

Въ предыдущихъ главахъ мы познакомились съ главными чертами характера и дѣятельности Дашковой. Изъ того уже, что мы знаемъ о ней, невозможно сомнѣваться въ ея обширномъ умѣ и солидномъ образованіи. И это единогласно заявляютъ многіе изъ ея современниковъ, хотя и относившіеся къ ней вообще недружелюбно. Намъ уже извѣстно, какая жажда дѣятельности томила княгиню. Энергія и необычайная самостоятельность видны въ каждомъ ея поступкѣ. Она любитъ властвовать и все подчинять себѣ. Все у нея разсчитано и обдумано, и то, что она намѣтила, исполняется съ глубокимъ сознаніемъ необходимости совершенія намѣченнаго. Въ этомъ жесткомъ характерѣ, выработавшемся при суровыхъ условіяхъ жизни того времени, сквозятъ несомнѣнно «желѣзныя» черты, и только можетъ быть перенесенныя испытанія и долгая, исполненная огорченій и труда жизнь подъ конецъ смягчили строгую княгиню, и она, обманутая въ при-

вязанностяхъ къ своимъ дѣтямъ, сосредоточила всю нѣжность своего, жаждавшаго покоя и любви, сердца на чужомъ человѣкѣ, на уроженкѣ далекой Англіи, миссъ Вильмотъ.

И мы находимъ вполнѣ справедливыми слова сестры этой любимицы Дашковой о знаменитой княгинѣ: «мнѣ кажется,—пишетъ Екатерина Вильмотъ, стараясь набросить портретъ Дашковой,—что она была бы всего болѣе на мѣстѣ у кормила правленія или главнокомандующимъ арміей, или главнымъ администраторомъ Имперіи. Она положительно рождена для дѣлъ въ крупныхъ размѣрахъ»...

По отзыву такого тонкаго наблюдателя, какъ графъ Сегюръ, Дашкова только по случайной, прихотливой ошибкѣ природы родилась женщиной. Она дѣйствительно нѣкоторыми привычками походила на мужчину. Княгиня одѣвалась, какъ и изображена на приложенномъ портретѣ, во что-то похожее на мужской костюмъ, что́ гармонировало съ грубыми, мужскими чертами ея лица.

Цѣлый рядъ современниковъ говоритъ о Дашковой, какъ о замѣчательной женщинѣ. По отзыву Гельбига, она «обладала большимъ умомъ, очень многими познаніями и непревосходимой пріятностью въ обращеніи». Англійскій посланникъ Макартней пишетъ о ней: «эта женщина обладаетъ рѣдкой силой ума, смѣлостью, превосходящей храбрость любого мужчины, энергіей, способной предпринимать задачи самыя невозможныя для удовлетворенія преобладающей ея страсти». Сама Екатерина не могла отказать ей въ большомъ умѣ. И доказательствомъ умственной мощи княгини служитъ то обстоятельство, что, не смотря на ея невозможный характеръ и неуживчивость, общенія съ нею искали люди, умѣвшіе цѣнить умственныя достоинства.

Недюжинныя силы, данныя природою Дашковой, какъ мы уже говорили, видны въ томъ, что она неспособна была удовлетвориться тѣснымъ кругомъ, предоставленнымъ въ ея эпоху женщинѣ. Она рвалась изъ этого тѣснаго круга, она чувствовала страстную жажду кипучей дѣятельности. Ея умъ жаждалъ обширныхъ знаній,—и все это такими рѣзкими и могучими чертами рисуетъ намъ ея образъ, что его не въ состояніи затуманить тѣ недостатки, которые несомнѣнно были у княгини и которые, въ глазахъ ея недоброжелателей, являлись далеко перевѣшивающими всѣ ея добродѣтели. Въ лицѣ Дашковой мы видимъ жен-

щину, томившуюся тогдашними общественными условіями и пытавшуюся проторить новые пути для подавленной силы.

Но, не смотря на это, мы конечно вполнѣ понимаемъ, что даже такая необычайная—по энергіи и уму, и притомъ очень образованная, — женщина не могла многаго сдѣлать, когда она волей судебъ очутилась во главѣ Академіи Наукъ.

Въ задачу этого очерка не входитъ подробное разсмотрѣніе исторіи этого ученаго учрежденія. Но не мѣшаетъ все-таки сказать, что Академія Наукъ, основанная у насъ Петромъ I, пересадившимъ къ намъ и это западное учрежденіе, была еще очень молодымъ установленіемъ, и конечно результаты ея воздѣйствія на общество не могли обнаружиться въ скоромъ времени. Въ ней сидѣли почти одни нѣмцы, которыхъ для этого даже спеціально выписывали изъ-за-границы. Эти ученые, за нѣкоторыми исключеніями, въ большинствѣ случаевъ проводили время въ интригахъ другъ противъ друга, смотрѣли на свои мѣста, какъ на синекуры, хлопотали изъ за прибавокъ жалованья и всячески старались затирать русскихъ, какъ было и съ знаменитымъ Ломоносовымъ. Труды свои они печатали на чуждомъ для пригласившей ихъ страны языкѣ... Это былъ нѣмецкій Олимпъ, разобщенный отъ смертныхъ, занятыхъ весьма прозаическимъ отработываніемъ «барщины». Трудно было разсчитывать, при тогдашнихъ общественныхъ условіяхъ, на связь академической дѣятельности съ живыми силами страны. И то обстоятельство, что Дашкова не произвела чудесъ во время своего управленія Академіей, не можетъ быть поставлено исключительно только ей въ вину. Во всякомъ случаѣ при ней это учрежденіе проявляетъ болѣе живую дѣятельность.

Дашкова возвратилась изъ второго продолжительнаго путешествія въ Петербургъ въ іюлѣ 1782 г. и поселилась на своей дачѣ — Киріаново, названной такъ въ честь святыхъ Кира и Іоанна, празднующихся въ день 28-го іюня, съ которымъ связана исторія княгини. По сосѣдству жила графиня Скавронская, племянница Потемкина, которую дядя очень часто навѣщалъ. Дашкова не могла не воспользоваться такимъ подходящимъ случаемъ и изъявила желаніе представить дѣтей императрицѣ. Вся семья принята была благосклонно. Обѣдали за столомъ государыни, и на слѣдующій день вышелъ указъ, которымъ «магистръ искусствъ» Эдинбургскаго университета, князь Дашковъ, произ-

водился изъ прапорщиковъ прямо въ гвардейскіе капитаны 2-го ранга. Рядъ милостей посыпался на Дашкову при помощи благоволившаго къ ней Потемкина. Въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть того, что и «великолѣпный князь Тавриды» поддался обаянію умной женщины, которая впрочемъ не стѣснялась передъ нимъ заискивать. Отъ имени императрицы вскорѣ Дашковой было пожаловано въ Бѣлоруссіи имѣніе «Круглое» съ 2500 крестьянъ, принадлежавшее прежде гетману Огинскому и конфискованное правительствомъ. По поводу этого имѣнія мы должны привести очень характерный для нашей героини эпизодъ. Она въ своихъ мемуарахъ объясняетъ про «Круглое», что, такъ какъ число крестьянъ было меньше, чѣмъ числилось въ указѣ, то она могла бы и не утруждать императрицы, а обратиться въ сенатъ. Но она, будто бы, предпочла хранить молчаніе. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ еще въ августѣ 1782 г. Дашкова писала Потемкину: «Я ничего такъ не желаю, какъ то, чтобы «Круглое» вамъ полюбилось, и вы бы его, какъ еще не пожалованное мнѣ, у ея Величества выпросили, а мнѣ бы достали то же въ указѣ упомянутое число 2565 душъ гдѣ нибудь въ Россіи... Постарайся, мой милостивецъ, а то я, не зная вашей польской экономіи и проживаясь въ Петербургѣ, совсѣмъ банкрутъ скоро буду. Пора бы мнѣ кажется умѣренный, но собственный свой кусокъ хлѣба имѣть и отъ прикащичества сыновнихъ деревень отказаться также время».

Дашковой просто хотѣлось получить имѣніе въ Россіи потому, что она знала о бѣдности и разореніи крестьянъ въ Бѣлоруссіи. А слова о «незнаніи польской экономіи» были только ловкимъ ходомъ въ этой погонѣ за благами земными, потому что княгиня и въ Польшѣ съумѣла бы хорошо хозяйничать.

Вотъ какія письма писалъ иногда этотъ авторъ гордыхъ и благородныхъ мемуаровъ, въ которыхъ такимъ возвышеннымъ языкомъ говорится о достоинствѣ человѣка! Не забудемъ также, что Дашкова не прочь была польстить знаменитому князю Тавриды и другимъ болѣе сильнымъ образомъ: какъ извѣстно, по ея просьбѣ Державинъ написалъ свою «оду къ Рѣшемыслу». Порой Дашкова не отказывалась поухаживать и за особами не такого высокаго ранга,—напримѣръ за приближенной женщиной императрицы, Марьей Савишной Перекусихиной. И еще страннѣе станетъ намъ это жалостливое указаніе въ письмахъ

къ Потемкину на свое «банкрутство», когда императрица говоритъ о Дашковой, что у нея «деньги лежатъ въ ломбардѣ и она скупяга».

Въ это же время княгинѣ даются крупныя суммы на покупку дома. Дашкова «куетъ желѣзо, пока горячо». Озабоченная положеніемъ своей сестры Поляпской и можетъ быть желая отплатить ей за ущербъ, причиненный «іюньской авантюрой»,— она всячески старается помочь ей и успѣваетъ въ этомъ: дочь Полянской назначается во фрейлины къ государынѣ. Затѣмъ на долю Дашковой выпадаютъ вскорѣ новые успѣхи.

Зимой 1782 г. при дворѣ давали балъ. Императрица, разговаривая съ иностранными послами, между прочимъ обратилась къ Дашковой съ слѣдующими словами: «Я имѣю сообщить вамъ, княгиня, нѣчто особенное». И немного погодя она объявила, что назначаетъ ее директоромъ Академіи Наукъ и Художествъ. Самолюбивая княгиня была конечно страшно польщена этимъ высокимъ предложеніемъ, но, чтобы ее получше попросили, для виду отказывалась. Императрица уговаривала Дашкову, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отзываясь о ея способностяхъ и дарованіяхъ. Въ исторіи съ этимъ назначеніемъ княгиня опять проявляетъ свойственныя ей горячность и нетерпѣніе. Она въ этотъ же вечеръ пишетъ письмо государынѣ, гдѣ высказываетъ, что боится компрометировать ея мудрое правленіе неумѣлымъ исполненіемъ столь высокой обязанности. Въ полночь она окончила эту записку, но не могла дождаться утра и поѣхала съ нею къ Потемкину, который былъ уже въ постели, съ просьбой передать посланіе немедленно утромъ государынѣ. Этотъ отказъ изъ приличія конечно не могъ быть упорнымъ, въ особенности въ виду выраженнаго настойчиваго желанія императрицы. И нужно конечно знать Дашкову, чтобы понять ея восторгъ въ виду такого назначенія... Такое передъ всей Европой и ея тамошними знаменитыми друзьями признаніе ума и образованія Дашковой «мудрой» императрицей, должно было очень пріятно льстить самолюбію подданной.

Княгиня взяла бразды правленія академіей въ свои крѣпкія и умѣлыя руки—и въ одномъ отношеніи ея командованіе было несомнѣнно благотворно: въ упорядоченіи финансовыхъ дѣлъ этого учрежденія. Втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ она съумѣла скопить изъ такъ называемыхъ «экономическихъ» суммъ сотни тысячъ рублей, о чемъ съ гордостью заявляетъ въ своихъ «рапор-

тахъ» государынѣ. Но позволительно сомнѣваться, чтобы тутъ была умѣстна особенная экономія. Первое засѣданіе академіи съ Дашковой во главѣ прошло съ великой помпой. Княгиня произнесла рѣчь о вредѣ взяточничества, вѣроятно не очень убѣдившую слушавшихъ, и съ необычайнымъ почетомъ обращалась съ знаменитымъ Эйлеромъ, противъ котораго интриговалъ, игравшій тогда большую роль въ академіи, «профессоръ аллегоріи» Штелинъ.

Княгиня оживила ученую дѣятельность академіи. «Академическія Извѣстія» прекратились въ 1781 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ замедлилось и изданіе «Acta Academiae Scientiorum Imperialis Petropolitanae». При ней вышло этихъ послѣднихъ 15 томовъ, выходилъ и «Россійскій Ѳеатръ» (43 части), и «Новыя ежемѣсячныя сочиненія». Цѣлью этого послѣдняго изданія было популярное изложеніе научныхъ истинъ для лицъ, не имѣвшихъ случая пріобрѣсти прочнаго «ученаго образованія», а къ этому разряду, разумѣется, свободно можно было отнести большинство представителей тогдашняго общества. Княгиня пополнила коллекцію академическихъ минераловъ и предпринимала хлопоты объ изданіи точныхъ картъ внутреннихъ губерній, а также и вновь присоединенныхъ къ Россіи областей, но въ этомъ отношеніи ей оказывала плохую услугу «канцелярская» волокита.

Но что представляется болѣе всего интереснымъ въ академической дѣятельности Дашковой и вмѣстѣ съ тѣмъ является ея заслугой въ исторіи русскаго просвѣщенія,—это то, что она сгруппировала около себя лучшія литературныя силы того времени, принимала сама участіе въ литературѣ и издавала при академіи «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова, содержащій разныя сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ нѣкоторыхъ россійскихъ писателей». Таково было названіе этого академическаго журнала, нѣсколько длинное,—во вкусѣ тогдашнихъ книжныхъ названій... Въ этомъ «Собесѣдникѣ» самое дѣятельное участіе принимала Екатерина II («Были и Небылицы» и друг.), и она была пожалуй самымъ заносистымъ и «краснымъ» его сотрудникомъ. Писала статьи и княгиня Дашкова, которая, замѣтимъ кстати, пробовала свои силы и въ драматической литературѣ. Не мало было обличительныхъ страницъ въ этомъ журналѣ, считавшемъ въ своихъ рядахъ царственную сотрудницу. Нерѣдко попадались рѣзкости въ описаніи крѣпостного быта. Былъ между прочимъ

разсказъ про одного воеводу, «который укралъ 12 лучшихъ лошадей изъ табуна и на нихъ поѣхалъ въ Ростовъ Богу молиться».

Въ объявленіи объ изданіи «Собесѣдника» говорилось, что «польза, отъ сего происходящая, ощутительна, какъ въ разсужденіи россійскаго слова, такъ и вообще въ разсужденіи просвѣщенія». Этотъ журналъ долженъ былъ въ себѣ заключать только одни «подлинныя россійскія сочиненія». Вообще въ начинаніяхъ Дашковой было видно желаніе вызвать русскую мысль къ самодѣятельности и придать изданію характеръ національный.

Около директора академіи въ «Собесѣдникѣ» группировались лучшіе тогдашніе литераторы: Державинъ, Фонвизинъ, Богдановичъ, Капнистъ, Княжнинъ и другіе. Какъ въ постановкѣ вопросовъ, такъ и въ разработкѣ ихъ, видно несомнѣнное вліяніе княгини. Въ «Собесѣдникѣ» была напечатана знаменитая «ода къ Фелицѣ» Державина. Восторженная похвала Екатеринѣ искупала заключавшуюся въ одѣ сатиру на многихъ важныхъ вельможъ. Въ исторіи напечатанія этой оды проявляется прежняя, незнающая границъ, рѣшимость княгини. Она, не спросившись даже автора, напечатала «Фелицу», ходившую въ спискахъ по рукамъ, на первой страницѣ «Собесѣдника» и поднесла ее императрицѣ. Въ книжкахъ «Собесѣдника» (вышедшихъ 16 частями въ 1783 и 1784 г.) были напечатаны смѣлые вопросы Фонвизина; но вообще нужно замѣтить, что сатира этого журнала, уступавшая въ ѣдкости листкамъ Новикова, очень мирно уживалась съ куреніемъ фиміама «Фелицѣ» и съ самой необузданной лестью ей и всѣмъ ея мѣропріятіямъ...

Конечно литературная дѣятельность княгини, печатавшей кромѣ «Собесѣдника» и въ другихъ журналахъ свои замѣтки, (напр. въ «Другѣ Просвѣщенія», можетъ быть въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и др.), имѣетъ теперь интересъ только историческій и служитъ доказательствомъ того, какъ ея подвижная и просвѣщенная мысль искала для себя выхода.

Изданіе сочиненій Ломоносова (1784—87 г.), о чемъ княгиня прилагала много стараній, должно быть поставлено ей въ заслугу. Увеличеніе числа учениковъ, воспитывающихся въ училищѣ,—съ 17 до 50, а художниковъ—съ 21—40 тоже слѣдуетъ поставить плюсомъ въ дѣятельности Дашковой, такъ какъ приготовленіе кадровъ арміи работниковъ въ области науки и ис-

кусства должно было въ значительной степени оправдывать существованіе нѣмецкой академіи въ русскомъ государствѣ. Вліяніе княгини отразилось и на учебной программѣ академіи: она завела три новыхъ курса: по математикѣ, географіи и естественной исторіи, преподававшихся русскими профессорами безплатно на русскомъ языкѣ. Вообще говоря, время управленія Дашковой академіей, по отзывамъ оффиціальныхъ историковъ этого учрежденія, должно считаться «эпохой процвѣтанія».

Но нужно отмѣтить въ академической дѣятельности Дашковой и курьезныя черты, отъ которыхъ конечно бываютъ не застрахованы и крупныя личности. Слѣдуетъ сказать прежде всего, что обращеніе княгини, по отзывамъ современниковъ, съ академическими служащими, въ особенности низшихъ ранговъ, не могло быть названо ласковымъ и даже вѣжливымъ.

Что касается до издательской дѣятельности, то княгиня между прочимъ на нждивеніе Академіи Наукъ напечатала довольно курьезную книжку, переведенную въ Москвѣ подъ руководствомъ протоіерея Петра Алексѣева: «О благородствѣ и преимуществѣ женскаго пола». Конечно княгиня, какъ страстный партизанъ женской равноправности, могла обратить вниманіе на восхваленіе «дамъ» на счетъ «кавалеровъ» при томъ еще условіи, что это было какъ разъ современно: указывало на «Фелицу»; но съ другой стороны изданіе Академіей Наукъ такой книжки представляется явленіемъ довольно страннымъ для ученаго учрежденія.

Роммъ, воспитатель графа Строганова, сообщаетъ объ одномъ обстоятельствѣ, которое, въ числѣ многихъ другихъ, говоритъ о слишкомъ большой разсчетливости и почти скаредности знаменитаго директора академіи. Княгиня предложила графу купить кристаллографію Роме-де-Лиля. Строгановъ послалъ 5 р. и получилъ книгу. На первомъ заглавномъ листѣ ея красовалась надпись: «Въ Императорскую С.-Петербургскую академію отъ покорнѣйшаго ея слуги-автора». Даръ, принесенный академіи, проданъ былъ за 5 р. ея президентомъ! Но Дашкова, вѣроятно спохватившись, прислала обратно за книгой, говоря, что ошиблась. Вечеромъ принесли книгу назадъ: она была та же самая, только заглавный листъ былъ вырванъ... И такіе факты пестрятъ воспоминанія многихъ лицъ о Дашковой.

Разъ лѣтомъ 1783 г., во время прогулки съ Екатериной II,

Дашкова завела рѣчь о богатствѣ и красотѣ русскаго языка. Княгиня замѣтила при этомъ, что не достаетъ только правилъ и хорошаго словаря для того, чтобы освободить нашъ языкъ отъ иностранныхъ словъ и оборотовъ. И она предложила учредить Россійскую академію. Въ этомъ конечно нельзя не усмотрѣть вліянія знакомства съ знаменитымъ академическимъ сонмомъ «безсмертныхъ» во Франціи. Дашкова была назначена президентомъ новаго ученаго собранія, и 21-го октября 1783 г. оно было торжественно открыто, причемъ президентъ произнесъ высокопарную рѣчь, въ которой не обошлось, разумѣется, безъ лестныхъ реверансовъ въ сторону «Сѣверной Семирамиды». Россійская академія занялась составленіемъ словаря, причемъ и Дашкова была сотрудницей. Она работала въ «объяснительномъ» отдѣлѣ и составила опредѣленія слѣдующихъ словъ: «дружба», «задумчивость», «другъ», «добродѣтельный человѣкъ» и др.

При энергіи Дашковой, она довела черезъ 11 лѣтъ это предпріятіе, не имѣющее кажется серьезнаго научнаго значенія, до конца, и словарь былъ изданъ въ 6-ти томахъ. Хотя не мѣшаетъ замѣтить, что Дашкова и здѣсь распространяется главнымъ образомъ съ гордостью о своей способности экономить въ средствахъ.

Вообще въ дѣятельности княгини, какъ мы уже замѣтили, видно желаніе поставить русскій языкъ на должную высоту, очистить его отъ иностранныхъ словъ и оборотовъ, хотя, если судить по русскимъ писаніямъ самой княгини, трудно было ожидать, чтобы она въ этой области являлась особенно компетентной.

Примиреніе и добрыя отношенія двухъ знаменитыхъ женщинъ прошлаго столѣтія не были продолжительны. Увѣренность въ своихъ силахъ и привычка повелѣвать людьми одной столкнулись съ упрямствомъ и сознаніемъ своихъ достоинствъ другой. Не малое вѣроятно значеніе имѣло здѣсь и то обстоятельство, что Дашкова не стѣснялась порой въ отношеніяхъ съ тѣми лицами, къ которымъ благоволила императрица. Нетактичность и неуживчивость Дашковой проявлялись порой въ высоко-комическихъ формахъ, а это не могло способствовать умиротворенію. Вызываемыя подобными эпизодами насмѣшки конечно должны были злить знаменитато президента и только подбавляли масла въ огонь.

Размолвка вышла уже по поводу шутокъ Льва Нарышкина

надъ вновь основанной Россійской академіей и рѣчью Дашковой. Екатерина II также не прочь была посмѣяться. Дашкова обидѣлась, за что́ и лишилась права быть членомъ интимнаго шутливаго общества при дворѣ («незнающихъ»). Вслѣдствіе этой размолвки государыня, бывшая конечно самымъ цѣннымъ сотрудникомъ «Собесѣдника», потребовала обратно рукописи своихъ шутливыхъ статей, отданныхъ туда. Несмотря на просьбы Дашковой, она не согласилась ихъ печатать.

При отъѣздѣ императрицы въ Крымъ, Дашкова не прощалась лично, а прислала письмо, въ которомъ говоритъ: «Я убѣждена, что вы господствуете надъ сердцами всѣхъ вашихъ подданныхъ, и что моя приверженность къ вашей особѣ есть чувство всеобщее и вполнѣ естественное; но, или нервы мои хуже и слабѣе, чѣмъ у другихъ, только я не имѣю силъ явиться на прощаніе съ вашимъ величествомъ».

Екатерина отвѣчала на это небольшой запиской, начинающейся слѣдующими словами: «вы поступили въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, умно и разсудительно. Письменное «прости» конечно лучше».

Эти письма во всякомъ случаѣ не указываютъ на дружескія отношенія корреспондентовъ.

А тутъ подоспѣло дѣйствительно курьезное, по многимъ подробностямъ, и мало возвеличивающее Дашкову «дѣло о зарубленіи 28 октября 1788 г. на дачѣ ея сіятельства двора Е. И. Величества статсъ-дамы, Академіи Наукъ директора, Императорской Россійской Академіи президента и кавалера кн. Дашковой принадлежащихъ оберъ-шенку, сенатору, дѣйствительному камергеру и кавалеру А. А. Нарышкину голландскихъ борова и свиньи».

Дашкова враждовала съ Нарышкинымъ изъ за какого то клока земли; замѣтивъ двухъ свиней на потравѣ, она велѣла людямъ загнать ихъ въ конюшню и убить, что́ и было исполнено. Княгиня объявила властямъ, производившимъ слѣдствіе, «что и впредь зашедшихъ свиней и коровъ такъ же убить прикажетъ и отошлетъ въ госпиталь».

Власти, имѣя дѣло съ такой высокопоставленной особой, дѣйствовали весьма галантно: онѣ рѣшились однако, «выписавъ приличныя узаконенія, благопристойно объявить ея сіятельству, дабы впредь въ подобныхъ случаяхъ отъ управленія собою (вла-

сти боялись употребить терминъ «самоуправство») изволила воздержаться»...

Послѣ этого Нарышкинъ, указывая на красное лицо княгини при встрѣчахъ съ нею, говорилъ при дворѣ: «она еще въ крови послѣ убійства моихъ свиней».

Въ дневникѣ Храповицкаго отмѣчены по поводу этого инцидента слова Екатерины: «Дашкова съ Нарышкинымъ въ такой ссорѣ, что, сидя рядомъ, оборачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла. Ссора за 5 сажень земли». Дошло до того, что императрица на тему этой вражды написала пословицу: «за мухою съ обухомъ», гдѣ подъ именами Пострѣловой и Дурындина описана тяжба Дашковой съ Нарышкинымъ. Впрочемъ впослѣдствіи авторъ рѣшилъ смягчить суровость именъ и выкинуть «хвастовства Пострѣловой о вояжахъ». Замѣтимъ кромѣ того, что императрица въ одной изъ своихъ комедій изображала президента академіи.

Не забудемъ, для лучшаго объясненія охлажденія государыни къ своей когда то горячей поклонницѣ, что рѣзкость Дашковой переходила границы дозволеннаго, и что она, какъ разсказываетъ напр. Державинъ, выражалась на счетъ императрицы, что та «подписываетъ такіе указы, которыхъ не знаетъ».

Не менѣе занимателенъ эпизодъ съ графомъ Разумовскимъ, которому княгиня прислала дипломъ академика, между тѣмъ какъ онъ этого вовсе не желалъ. Немного спустя, она послала ему кипу русскихъ книгъ на 600 р. Графъ не взялъ, извинившись тѣмъ, что у него есть оригиналы этихъ переводовъ. И когда княгиня сообщила ему, что онъ сдѣланъ членомъ академіи съ условіемъ купить издаваемыя ею книги, то Разумовскій отослалъ дипломъ обратно.

Еще интереснѣе, что въ другой разъ, проигравъ въ карты 30 рублей, Дашкова послала выигравшему въ уплату долга 30 академическихъ альманаховъ.

Если мы примемъ во вниманіе многочисленность подобныхъ эпизодовъ, гдѣ Дашкова компрометировала свое почетное званіе, возбуждая насмѣшки и непріязнь окружающихъ, то поймемъ, что ея отношенія къ государынѣ не могли быть за все время одинаково ровны.

Не мало способствовалъ ухудшенію отношеній ко двору

инцидентъ съ изданіемъ Дашковой «Вадима», трагедіи Княжнина. Появленіе этого произведенія въ «Россійскомъ Θеатрѣ» (1793 г.) вызвало цѣлую бурю. Это вызвало очень непріятныя для Дашковой сцены, хотя она при нихъ держала себя не безъ достоинства. Когда императрица сказала при встрѣчѣ, что «эту книгу нужно сжечь рукою палача!», Дашкова отвѣтила: — «не мнѣ придется краснѣть тогда!»

При такихъ обстоятельствахъ энергія Дашковой въ управленіи академіями слабѣла, и въ 1794 г., въ августѣ, она уѣхала въ отпускъ на два года, а затѣмъ испросила себѣ отсрочку еще на годъ. Прощаніе женщинъ, когда то связанныхъ узами пріятельскихъ отношеній и объединенныхъ участіемъ въ одномъ дѣлѣ,— было самое холодное и оффиціальное. Имъ уже больше не суждено было встрѣтиться.

Вскорѣ на долю княгини Дашковой выпали тяжелыя испытанія. Екатерина Романовна уже значительно одряхлѣла, и ей начинали измѣнять тѣ кипучія силы, которыми она удивляла раньше. Пережитыя ею горе и волненія, при свойственной ей чувствительности и самолюбіи, тяжело отразились на ея стойкомъ и геройскомъ сердцѣ. Съ дѣтьми, исторія отношеній къ которымъ недостаточно еще выяснена, у нея былъ полный разладъ: «прославленная» система воспитанія дала плохіе результаты. Дочь ея, вышедшая замужъ за бригадира Щербинина, своимъ мотовствомъ и непріязненнымъ отношеніемъ къ матери причиняла больше всего горя, хотя и съ сыномъ было не лучше. Аристократической гордости Дашковой, заявляющей, при всякомъ удобномъ случаѣ, о величіи рода Воронцовыхъ, былъ нанесенъ жестокій ударъ женитьбой сына на простой женщинѣ, дочери купца Алферова. Этотъ неожиданный бракъ разразился страшнымъ ударомъ надъ матерью. Выслушивая поздравленія отъ придворныхъ, вѣроятно не безъ ехидства смаковавшихъ приключившійся эпизодъ, она, можно сказать, чувствовала себя на Голгоѳѣ и едва удерживалась отъ обморока.

А тутъ наступали и общественныя событія такого характера, которыя могли только усугубить ея горести. Приближалось время расплаты за старые грѣхи... Императрица, наполнившая славой своихъ дѣяній Европу и вызывавшая умилительные восторги, неожиданно скончалась, заставивъ оплакивать себя облагодѣтельствованныхъ ею людей.

Осенью 1796 года Екатерина Романовна жила въ своемъ любимомъ Троицкомъ. Тамъ тогда было многолюдное общество. «Блудная дочь» княгини — Щербинина — тоже жила у матери. Была тамъ и англичанка, миссъ Бетси. Въ одинъ изъ ноябрьскихъ вечеровъ къ княгинѣ пріѣхалъ сенатскій городничій и привезъ печальную вѣсть.

— Княгиня, какое несчастье насъ постигло! Императрица скончалась!—сказалъ онъ.

Это было неожиданнымъ и смертельнымъ ударомъ для княгини: она поблѣднѣла и зашаталась. Дочь бросилась на помощь.

— Нѣтъ, нѣтъ, не бойся за мою жизнь,—проговорила Дашкова:—умереть теперь было бы счастьемъ... Судьба сохраняетъ меня для болѣе тяжкихъ страданій.

Извѣстно было всѣмъ, что императоръ Павелъ терпѣть не могъ Дашковой, и конечно нельзя было сомнѣваться, что ей предстояли испытанія.

Черезъ нѣсколько дней былъ полученъ указъ, которымъ княгиня отрѣшалась отъ всѣхъ ея должностей. Но это явилось только началомъ злоключеній.

Въ Москвѣ, куда пріѣхала вскорѣ Дашкова, 4-го декабря къ ней лично явился московскій главнокомандующій Измайловъ и объявилъ ей волю Павла I, о чемъ доносилъ своему повелителю: «Имѣлъ счастіе вашего императорскаго величества повелѣніе получить: объявить княгинѣ Дашковой, чтобы она выѣхала въ деревню».

Она уѣхала въ Троицкое. Въ это тяжкое время ее особенно утѣшалъ братъ Александръ, ободрялъ и заставлялъ надѣяться на лучшее будущее. «Подожди до коронаціи,—писалъ онъ, — и ты увидишь большую перемѣну въ обращеніи съ тобою».

Однако черезъ нѣсколько дней получено было новое повелѣніе императора: оставить Троицкое, ѣхать въ одну изъ деревень сына въ Новгородскую губернію и тамъ ждать дальнѣйшаго распоряженія. Временный московскій губернаторъ Архаровъ доносилъ вскорѣ Павлу, что въ слѣдъ за Дашковой онъ отрядилъ «испытанной вѣрности и расторопности штата полицейскаго титулярнаго совѣтника Іевлева для примѣчанія и малѣйшихъ ея движеній». Кажется уже совсѣмъ излишняя пред-

осторожность по отношенію къ старой княгинѣ. Укатали сивку крутыя горки!

Въ этой глухой, маленькой деревнѣ Коротовѣ, близъ Череновца, куда княгиня съ сопровождавшими ее друзьями и дочерью съ трудомъ добралась въ зимнюю пору, — ей въ мужицкой избѣ пришлось ожидать дальнѣйшихъ ударовъ. Хотя у Дашковой были громадныя связи, и ея родственники желали ей помочь, но свойства лица, къ которому слѣдовало обращаться за помилованіемъ, были таковы, что не всякій моментъ являлся для этого подходящимъ. Поспѣшностью и несвоевременностью можно было совсѣмъ испортить дѣло.

По совѣту князя Репнина, Дашкова написала письмо императрицѣ съ приложеніемъ письма и къ государю. Она знала добрый характеръ государыни, но, съ другой стороны, не могла разсчитывать на особенно любезное ея отношеніе къ представителямъ фамиліи Воронцовыхъ.

Горе и испытанія сломили старую княгиню, хотя она и старается въ своихъ запискахъ выставить себя Муціемъ Сцеволою и объ этомъ письмѣ къ государю говоритъ, что оно было скорѣе надменное, чѣмъ умоляющее. Но на самомъ дѣлѣ вотъ это письмо (въ январѣ 1797 г.): «Милующее сердце вашего императорскаго величества проститъ поддашной, угнетенной болѣзнью, что сими строками прибѣгаетъ къ благотворительной душѣ монарха... Будь милосердъ, государь, окажи единую просимую мною милость: дозволь спокойно окончить дни мои въ калужской моей деревнѣ. Неужели мнѣ одной оставаться несчастной, когда ваше величество всю имперію осчастливить желаете и столь многимъ содѣлываете счастіе... По гробъ буду государя человѣколюбиваго прославлять».

И письмо Дашковой, которое боялись вручить взрослые, переданное отцу руками малютки великаго князя, Николая Павловича,—возымѣло желаемое дѣйствіе.

Въ Коротовѣ, гдѣ съ трепетомъ ждали появленія приказа о «мѣстахъ не столь отдаленныхъ», въ февралѣ 1797 года получилось лаконическое, но произведшее радостное впечатлѣніе посланіе Павла I: «По желанію вашему, княгиня Екатерина Романовна,—писалъ государь,—я дозволяю вамъ жить въ вашей калужской деревнѣ. Вашъ благосклонный Павелъ».

Дашкова, которая вправѣ была ожидать суроваго къ себѣ

отношенія, разразилась восторженнымъ благодарственнымъ отвѣтомъ на эту царскую милость.

Изгнаніе кончилось,и обстоятельства складывались на столько благопріятно, что княгинѣ скоро было разрѣшено свободное проживательство вездѣ, даже въ столицахъ, но во время отсутствія изъ нихъ царской фамиліи. Это было результатомъ возвышенія князя Дашкова, полюбившагося Павлу. Но, какъ извѣстно, милости государя были не настолько прочны, чтобы на нихъ можно было положиться. Настроенія его такъ капризно и неожиданно мѣнялись, не повинуясь никакимъ законамъ, что обласканный имъ сегодня — былъ уже опальнымъ завтра. То же произошло вскорѣ и съ сыномъ княгини, которому государь, по поводу какой то просьбы его за постороннее лицо, объявилъ: «Такъ какъ вы мѣшаетесь въ дѣла, до васъ не касающіяся, поэтому увольняетесь отъ службы. Павелъ».

По полученіи полной свободы, Дашкова посѣтила свои помѣстья и спѣшила поправлять разстроенное хозяйство. Въ особенности дѣло было плохо въ ея бѣлорусскихъ помѣстьяхъ, которыми управлялъ полякъ, разсчитывавшій, что Дашковой не сдобровать, и потому не стѣснявшійся въ своихъ распоряженіяхъ. На возвратномъ пути изъ Бѣлоруссіи княгиня посѣтила брата Александра и прожила у него въ Андреевскомъ довольно долго. Она пересадила въ его садахъ деревья и кусты по своему вкусу. Нужно сказать, что княгиня была замѣчательнымъ садовникомъ, и ея распоряженія и инструкціи по этой части показываютъ, что она тонко знала это дѣло.

Любимыми темами разговоровъ съ братомъ Александромъ, однимъ изъ образованнѣйшихъ людей екатерининскаго царствованія, были политическія событія въ Европѣ; удѣлялось не мало бесѣдъ и печальному положенію родины. Княгиня не разъ высказывала свою увѣренность, что въ 1801 г. должна произойти большая перемѣна. Дѣйствительно, «безсознательное» предчувствіе Дашковой оправдалось: 13-го марта 1801 года на престолъ вступилъ Александръ I,—и всѣ вздохнули свободно... Княгиня написала восторженное, радостное письмо молодому императору... Графъ Александръ Романовичъ, какъ извѣстно, скоро былъ назначенъ великимъ канцлеромъ, и княгиня Дашкова приглашена ко двору, куда она впрочемъ явилась лишь въ маѣ 1802 года. Но конечно при дворѣ она нашла не совсѣмъ пріятную для себя

перемѣну. Тамъ была пылкая молодежь,—первоначальные союзники императора,—не стѣснявшіеся третировать екатерининскихъ ветерановъ, начиная съ ихъ старомодныхъ манеръ и костюмовъ и кончая убѣжденіями. Впрочемъ княгиня встрѣтила очень дружескій пріемъ отъ императора и обѣихъ императрицъ. Во время коронаціи она, какъ старшая статсъ-дама, занимала первенствующее мѣсто, и между другими милостями, оказанными старухѣ, Александръ I взялъ на себя ея долгъ банку (44,000 р.).

Послѣ означенной поѣздки въ Петербургъ (княгиня уѣхала оттуда въ іюнѣ) она была тамъ еще только одинъ разъ для свиданія съ братомъ Семеномъ Романовичемъ.

Послѣдніе дни княгини Дашковой прошли скромно и тихо. Въ ея дѣятельности за это время слѣдуетъ главнымъ образомъ отмѣтить составленіе интересныхъ мемуаровъ, представляющихъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую литературу.

VI.

Послѣдніе годы.

Могучее вліяніе «общественнаго воспитанія».—Волшебный калейдоскопъ.—Письмо А. Р. Воронцова.—Эпизодъ съ Пугачевымъ.—Троицкое и Москва.—Картины изъ жизни Дашковой въ имѣніи.—Москва—сборный пунктъ вельможъ «не у дѣлъ».—Монументальная фигура Алексѣя Орлова.—Примиреніе съ нимъ Дашковой.—Пиръ, заданный въ честь ея чесменскимъ богатыремъ.—Боязнь и уваженіе Дашковой въ московскомъ обществѣ.—Отзывы иностранки о Россіи. — Потребность Дашковой въ привязанности и симпатіи.—Дружба съ миссъ Вильмотъ.—Составленіе мемуаровъ.—Сплетни на счетъ англичанокъ.—Смерть сына.—Примиреніе съ невѣсткою.—Отъѣздъ миссъ Вильмотъ.—Трогательныя письма.—Послѣдніе дни.—«Практичныя» распоряженія.—Смерть.—Заключеніе.

Общественныя условія и воспитаніе въ духѣ ихъ съ дѣтскихъ лѣтъ являются могучимъ рычагомъ для образованія извѣстныхъ нравственныхъ наклонностей. Впослѣдствіи развитіе ума чтеніемъ и обмѣномъ мыслей можетъ извѣстнымъ образомъ расширить взгляды и уяснить многія теоретическія представленія; но оно не можетъ органически проникнуть нравственную природу человѣка и передѣлать ее въ направленіи, противоположномъ тому, въ которомъ дѣйствовало впродолженіи многихъ лѣтъ общественное воспитаніе. Могучіе умы Аристотеля и Платона не избавляли ихъ отъ утвержденія, что рабство естественно и необходимо.

Въ исторіи Дашковой повторяется та же истина. Общественныя условія тогдашней Россіи и принадлежность къ тому кругу, привилегіей котораго являлось монопольное пользованіе жизненными благами,—все это должно было развить въ Екатеринѣ Романовнѣ нравственныя свойства, вполнѣ гармонировавшія съ

окружающей обстановкой. Знаменитая княгиня всѣми своими «корнями» сидѣла въ родимой почвѣ, въ крѣпостной Россіи, съ ея уваженіемъ къ титуламъ, власти и силѣ, съ ея третированьемъ «подлаго» сословія—крѣпостныхъ. Развившійся чтеніемъ и образованіемъ большой природный умъ позволялъ конечно Дашковой понимать значеніе и прелести такихъ писателей, какъ Даламберъ, Дидро и Вольтеръ. И этотъ же умъ приходилъ на помощь нравственнымъ привычкамъ и создавалъ хитрыя и очень удобныя теоріи, образцомъ которыхъ была высказанная въ разговорѣ съ Дидро о «крѣпостныхъ». Но складъ понятій, требованія, предъявляемыя къ людямъ и себѣ,— все это оставалось окаменѣлымъ въ томъ видѣ, какъ образовалось еще въ домѣ канцлера, гдѣ долго жила дѣвушка. Не будемъ распространяться на ту тему,—это стало теперь банальной истиной,—что обладаніе «душами», при полной безконтрольности дѣйствій владѣльцевъ и безнаказанности, могло дѣйствительно только лишь портить отношенія къ человѣку, третировавшемуся, какъ вещь; а область отношеній къ людямъ и есть именно область нравственныхъ явленій...

Вышеуказанная истина о могучей силѣ общественнаго воспитанія, какъ мы видимъ, вполнѣ оправдалась въ жизни Екатерины Романовны. Дашкова была однимъ изъ интересныхъ экземпляровъ того вѣка, когда, какъ въ волшебномъ калейдоскопѣ, перемѣшалось: продажа «крѣпостныхъ» оптомъ и въ розницу съ тирадами о «правахъ человѣка»; Дидро и Вольтеръ — съ Шешковскимъ; мудрыя истины «Наказа»—съ путешествіемъ Радищева въ Сибирь и «великолѣпный князь Тавриды» — съ явленіями вродѣ знаменитой Салтычихи. Но Дашкову отличаетъ отъ толпы ея современниковъ большое образованіе и сильный умъ, горячія искры котораго свѣтятся во многихъ мысляхъ, краснорѣчиво высказываемыхъ въ «мемуарахъ», но которымъ княгиня — увы!—въ жизни весьма рѣдко слѣдовала.

Образъ Дашковой выяснился передъ нами съ достаточной ясностью, но, чтобъ еще всестороннѣе обрисовать эту личность, мы, подходя къ ея послѣднимъ днямъ, представимъ дополнительныя черты.

Вотъ что писалъ Дашковой братъ А. Р. Воронцовъ изъ Лондона еще въ 1762 г. «По всѣмъ свѣдѣніямъ, доходящимъ до меня, государыня очень добра къ вамъ; поэтому я не могу оправдать то, что вы такъ мало позаботились о судьбѣ сестры нашей

Елисаветы... Если она и провинилась въ чемъ либо предъ императрицей, о чемъ я впрочемъ не слыхалъ, вы должны были бы, вмѣсто всякой награды для себя, испросить ей помилованіе и предпочесть его екатерининской лентѣ; вы не нарушили бы въ такомъ случаѣ тѣхъ философскихъ правилъ, которыя вы мнѣ проповѣдывали и которыя заставили меня думать, что вы придаете мало значенія суетнымъ отличіямъ... Но я ошибся: они важны для васъ также, какъ и для другихъ...» Затѣмъ дальше шло еще болѣе серьезное: «Не безъ большой горести я долженъ вамъ высказать, милостивая государыня, что здѣсь распространились слухи, не дѣлающіе вамъ чести... Говорятъ, что вы завладѣли всѣмъ, что имѣла моя сестра, и что даже отказали ей въ необходимомъ для ея отправки въ деревню... Конечно государыня можетъ располагать этимъ имуществомъ по своему усмотрѣнію, тѣмъ болѣе, что все, что имѣла эта несчастная, какъ извѣстно, она получила отъ двора. Но не лучше ли было бы для васъ не принимать этого? Если вы подумаете, то поймете, что этотъ поступокъ не увеличитъ къ вамъ ничьего уваженія. Я посовѣстился бы воспользоваться чьимъ бы то ни было несчастіемъ, а тѣмъ болѣе сестры или кого либо изъ близкихъ...»

Хотя Дашкова энергически оправдывалась передъ братомъ, и онъ взялъ нѣкоторыя изъ своихъ обвиненій назадъ, но все-таки можно думать, что она, если и не захватила силою, то получила въ подарокъ драгоцѣнности, пожалованныя прежде ея сестрѣ. Между тѣмъ, по мнѣнію брата, она должна была отказаться отъ такого подарка. Уже одинъ фактъ обвиненія Дашковой въ такихъ дѣйствіяхъ (а были обвиненія и хуже) указываетъ на сложившееся о ней мнѣніе въ обществѣ.

Письма великаго канцлера о племянницѣ тоже весьма для нея неблагопріятны.

Но мы должны изъ писемъ Дашковой къ брату привести и тѣ, которыя указываютъ на ея благородство въ извѣстныхъ случаяхъ. Такъ напримѣръ, на запросъ брата, смотрѣла-ли она Пугачева, — сестра отвѣчаетъ: «сколь ни отвратителенъ онъ по злодѣяніямъ своимъ и сколь возмездія по онымъ ни справедливы будутъ, но окованный человѣкъ и осужденный къ смерти мнѣ не иначе, какъ жалостнымъ предметомъ, представляется... Мало ты меня, батюшка, знаешь!»

Изъ интересныхъ писемъ старшей миссъ Вильмотъ, жившей у Дашковой въ послѣдніе ея годы, выясняются многія подроб-

ности какъ образа жизни княгини, такъ и привычекъ того общества, гдѣ она вращалась. Мы приведемъ наиболѣе любопытныя изъ этихъ свѣдѣній.

Послѣдніе годы княгиня жила въ своемъ имѣніи Троицкомъ и въ Москвѣ, изрѣдка навѣщая другія помѣстья и совершая поѣздки къ родственникамъ и по нѣкоторымъ монастырямъ, которые показывала своимъ гостямъ-англичанкамъ. Она, при своей хозяйственности, привела Троицкое въ блестящій видъ: тамъ были прекрасный паркъ и садъ въ англійскомъ вкусѣ, масса хозяйственныхъ построекъ, оранжерей и теплицъ. Оригинально было смотрѣть на эту маленькую старушку, среди ея богатыхъ владѣній, одѣтую въ сюртукъ изъ темнаго сукна, иногда съ колпакомъ на головѣ и съ оборваннымъ платкомъ на шеѣ — подаркомъ мистриссъ Гамильтонъ, съ которымъ Дашкова не разставалась 20 лѣтъ и который уже превратился въ тряпку...

Въ этомъ-то Троицкомъ властвовала княгиня; сюда наѣзжали нерѣдко ея титулованные и богатые родственники и знакомые, причемъ гостепріимство хозяйки выражалось часто въ довольно оригинальной формѣ: она, будучи экономной, заставляла работать лошадей,— предварительно конечно накормивъ ихъ,—на которыхъ пріѣзжали гости. Сюда посѣтители возили подарки, которые княгиня иногда безцеремонно требовала. И у нея въ Троицкомъ хранилась масса всевозможнаго хлама.

Богатство хозяйки, ея высокое придворное званіе и значеніе при дворѣ, а также ея образованіе и умъ — все это обусловливало тотъ глубокій почетъ и уваженіе, которыми пользовалась княгиня у себя, въ Троицкомъ, и въ Москвѣ.

Извѣстно, что Москва въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій играла роль сборнаго пункта потерявшихъ значеніе, но когда-то пользовавшихся имъ,—вельможъ. Въ Петербургѣ, гдѣ ихъ замѣнили другіе, бывшіе властелины не могли играть уже первыхъ ролей и имъ часто приходилось стушевываться передъ «молокососами», но въ первопрестольной они могли развернуться «во всю». Во времена Дашковой въ Москвѣ было не мало этихъ развалинъ прошлыхъ царствованій. Эти дряхлые старики, украшенные всѣми высшими орденами, гордые воспоминаніемъ о своемъ давно уже миновавшемъ значеніи, блиставшіе звѣздами, брилліантами и камергерскими ключами,— ходили по громаднымъ заламъ своихъ дворцовъ, какъ какіе-то призраки или привидѣнія. Они важно блюли этикетъ, ѣздили на 8 лоша-

дяхъ, въ парадныхъ каретахъ, цугомъ, и обѣдали съ гайдуками за кресломъ.

Среди этихъ развалинъ минувшаго возвышалась монументальная фигура Алексѣя Орлова, самаго богатаго изъ московскихъ вельможъ. Атлетическое сложеніе и суровая энергія его лица, отмѣченнаго шрамомъ, по прежнему отличаютъ этого знаменитаго старика отъ толпы его современниковъ. На его рукѣ, осыпанной брилліантами, всегда можно видѣть портретъ Екатерины II.

Десятки лѣтъ прошли съ тѣхъ поръ, какъ между Орловымъ и Дашковою вспыхнула жестокая вражда, — и втеченіи этихъ долгихъ лѣтъ они не встрѣчались. Но зимою 1804 г. старые враги помирились.

Княгиня Дашкова терпѣть не могла Орловыхъ, въ особенности Алексѣя, который конечно платилъ ей тѣмъ же. Эта нелюбовь къ главнымъ участникамъ событія 28 іюня 1762 г. была одною изъ причинъ того охлажденія государыни къ Дашковой, о которомъ мы уже говорили. Но теперь старымъ недругамъ не изъ за чего было враждовать.

— Много утекло времени, графъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись,—говорила княгиня при встрѣчѣ съ Орловымъ: —міръ, въ которомъ мы когда то жили, такъ перемѣнился, что наше свиданіе теперь, мнѣ кажется, болѣе всего походитъ на встрѣчу за гробомъ.

Начиная съ Орлова, вся московская знать относилась очень почтительно къ княгинѣ, считавшейся въ Москвѣ первой особой. Это почтеніе можетъ быть обусловливалось и боязнью насмѣшливаго и остраго языка княгини. Въ честь Дашковой, въ особенности когда она жила въ Москвѣ съ сестрами Вильмотъ, давались знатью балы, изъ которыхъ гомерическимъ богатствомъ и чисто русскими особенностями отличался пиръ, данный чесменскимъ героемъ въ честь Екатерины Романовны.

Все было богато и оригинально на этомъ праздникѣ; атлетическая фигура самого хозяина съ алмазнымъ портретомъ Екатерины II на груди высилась надъ всѣми присутствующими. За графомъ стояли два гайдука съ карликомъ. Шутъ забавлялъ публику своими дурачествами. Толпы рабовъ разныхъ націй въ пестрыхъ костюмахъ расхаживали по длинному ряду комнатъ и разносили гостямъ лакомства и напитки. Граціозная, молодень кая дочь хозяина принимала дѣятельное участіе въ танцахъ. По

желанію отца, она проплясала танецъ съ шалью, тамбуриномъ, казачка, цыганку и пр., причемъ двѣ служанки выполняли вмѣсто нея фигуры, считавшіяся не совсѣмъ приличными для молодой графини. Гости стали въ кругъ и благоговѣйно любовались хозяйскою дочерью. За танцами послѣдовалъ ужинъ съ страшнымъ количествомъ блюдъ. Тостъ за Дашкову былъ провозглашенъ при громѣ трубъ и литавръ, и все собраніе встало и низко ей поклонилось... За ужиномъ хоръ пѣсенниковъ тянулъ русскія пѣсни, а когда онъ умолкалъ, раздавались звуки рогового оркестра,— все это были свои крѣпостные...

Въ этомъ обществѣ, исполненномъ грубыхъ, устарѣлыхъ предразсудковъ, гдѣ все было основано на внѣшнемъ успѣхѣ, гдѣ еще носились парики, старухи пудрились и красились, надѣвали на себя массу побрякушекъ,—появленіе умной, обладавшей безпощаднымъ языкомъ и рѣзкими манерами, одѣтой весьма просто, Дашковой производило эффектъ и иногда страшный переполохъ. Привыкнувъ быть всегда «первою» и сознавая свое умственное превосходство, княгиня усвоила властный тонъ и вообще импонировала своей особой. Миссъ Вильмотъ передаетъ въ своихъ запискахъ, что иногда напримѣръ весьма почтенные люди, крупнаго чина и званія, не осмѣливались садиться въ присутствіи княгини и разговаривали съ нею стоя.

Въ Москвѣ, по отзывамъ современниковъ, тогда жилось весело. Но среди этихъ салоновъ, занятыхъ пустяками и карточной игрою со сплетнями, все таки выдавался своей серьезностью салонъ княгини. Тамъ всегда можно было найти литературную новинку, тамъ велись и политическіе споры, въ особенности когда воцарился Александръ I.

Миссъ Вильмотъ дѣлала очень печальные выводы относительно тогдашняго строя гостепріимно пріютившей ее страны. Она говоритъ: «Подчиненность развита здѣсь до крайней степени. Въ понятіяхъ массы слова *хорошій* и *плохой*—это лишь синонимы благоволенія и неблаговоленія; уваженіе къ личному достоинству замѣняется уваженіемъ къ чину». И вообще, по замѣчанію наблюдательницы, тогдашняя Россія относительно образованія находилась еще въ XIV или XV столѣтіи примѣнительно къ Европѣ. Роскошь Москвы и цивилизація Петербурга — эти два города, въ отношеніи къ цѣлой странѣ, уподобляются «модной парижской шляпкѣ на головѣ грубой деревенской дѣвочки».

Жизнь въ Троицкомъ и Москвѣ, хотя и наполненная дѣлами по хозяйству, перепиской съ многочисленными знакомыми и съ государственнымъ канцлеромъ—братомъ Александромъ Романовичемъ, не могли однако удовлетворить княгини. Умъ ея былъ, правда, занятъ, но и сердце начинало предъявлять свои требованія.

Природа, какъ мы видѣли, не надѣлила Дашкову особой мягкостью и жаждой симпатіи. Мы уже знаемъ эту истину изъ ея отношеній къ людямъ, размолвкамъ съ которыми помогали ея сварливость и неуживчивость. Но еще яснѣе эта черта видна въ сношеніяхъ княгини съ дѣтьми, съ которыми она всю жизнь не ладила. Правда, дѣти сами относились къ ней плохо, но такое отношеніе было во многомъ обусловлено качествами матери, ея непокладливостью и придирчивостью. Во имя своей аристократической гордости, она не желала впродолженіи многихъ лѣтъ видѣть кроткой жены сына; этотъ выборъ уязвилъ ее въ самое сердце, и ея чувства въ этомъ случаѣ напомнили до извѣстной степени рѣшимость брамина, согласнаго скорѣе умереть, нежели быть запросто съ «паріемъ». У княгини были постоянныя исторіи и съ дочерью.

Но вотъ наступила и старость. Дашкова испытала много горя и волненій, ее удручали болѣзни,—а удовлетворенія, которое могло бы наполнить старческіе годы счастіемъ, не было. Можетъ быть она уже сознавала, что тѣ «суетныя отличія», за которыми она гналась въ прошломъ, не даютъ прочнаго счастья людямъ, и въ глубинѣ ея суроваго сердца заискрился родникъ теплаго чувства, жажда привѣтливыхъ и задушевныхъ отношеній, потребность въ сыновней ласкѣ, потребность въ близости молодого, любящаго существа. Но дѣтей около не было... Вблизи нея не раздавалось дѣтскаго лепета внуковъ; она не слышала этого простого слова «бабушка», но которое такъ сладко звучитъ въ устахъ ребенка... Съ другой стороны, княгиня не встрѣчала отклика въ своихъ дѣтяхъ, и потребность въ дружбѣ и симпатіи вылилась у нея на постороннаго человѣка, на дочь «гордаго Альбіона», къ которому она вообще чувствовала слабость. на миссъ Вильмотъ.

Эта дѣвушка была кузиной старинной пріятельницы Дашковой мистриссъ Гамильтонъ, пріѣзжавшей въ Россію во время управленія княгиней академіей и прожившей у нея цѣлый годъ. Симпатичная и кроткая, Мэри Вильмотъ усладила послѣдніе годы

жизни Екатерины Романовны; ея настояніямъ мы между прочимъ обязаны тому, что княгиня написала свои «мемуары». Издавна благоговѣвшая передъ княгиней, по разсказамъ Гамильтонъ и др. знавшихъ ее лицъ, миссъ согласилась посѣтить Россію и прожила у Дашковой 5 лѣтъ.

Мэри Вильмотъ пріѣхала въ Россію лѣтомъ 1803 года. Англичанка уже раскаивалась въ предпринятомъ ею намѣреніи, такъ какъ въ Петербургѣ, остановившись у Полянской, она сразу окунулась въ міръ сплетень, ходившихъ тогда про княгиню Дашкову, которую вообще недолюбливали. Ее рисовали жестокой, мстительной, необузданной, — и она стала уже представляться воображенію дѣвушки въ образѣ не благодѣтельной, а злой фен. Но пріемъ, оказанный гостьѣ княгиней, и уже первое знакомство съ нею разсѣяли всѣ эти опасенія. И удивительно, что Дашкова, неуживчивая и ко всѣмъ требовательная, такъ сошлась со своей гостьей, что полюбила ее, какъ родную дочь, и между ними не было ни малѣйшихъ недоразумѣній. Вѣроятно дѣвушка ей понравилась своей кротостью и умомъ, а Дашкова очень нуждалась въ присутствіи около себя нѣжнаго и преданнаго существа, на которое она могла бы излить свою симпатію. Извѣстную роль тутъ впрочемъ могло играть и то обстоятельство, что Вильмотъ была англичанка, кузина Гамильтонъ, и въ лицѣ ея, такъ сказать, Европа, передъ которою всегда любили расшаркиваться представители нашей знати, могла осудить Дашкову, если бы она не проявила ласковости къ своей иностранной гостьѣ.

Княгиня встрѣтила миссъ Вильмотъ въ длинномъ, темномъ платьѣ, съ серебряной звѣздой на лѣвой сторонѣ груди; головной ея уборъ состоялъ изъ мужского ночного колпака, а шея обвязана знаменитымъ оборваннымъ платкомъ мистриссъ Гамильтонъ.

Онѣ зажили дружески, и мрачный домъ княгини оживился съ пріѣздомъ «ангела», какъ звала хозяйка свою гостью. Совершались прогулки по окрестностямъ, въ Москву, къ родственникамъ; устраивались parties de plaisir; высокія комнаты оглашались звуками рояля, на которомъ недурно играла миссъ Вильмотъ; крѣпостная труппа чаще прежняго стала забавлять владѣлицу и ея гостей въ домашнемъ театрѣ.

Дашкова очаровывала своими разсказами гостью. Въ этихъ повѣствованіяхъ проходилъ рядъ важныхъ событій, интересныхъ лицъ, трагическихъ и трогательныхъ подробностей. Миссъ Виль-

мотъ указывала на важность пережитаго княгиней и упрашивала ее написать свою біографію. Это предложеніе должно было, какъ надо полагать, льстить и самой княгинѣ. Записки были написаны въ одинъ годъ и закончены осенью 1805 г. Онѣ помѣщены между прочимъ по французски, какъ и написаны, въ 21 томѣ «Архива князя Воронцова» («Mon Histoire»). Мы уже говорили о нѣкоторомъ восхваленіи себя Дашковой въ этихъ мемуарахъ, гдѣ «я» автора слишкомъ выдвигается на первый планъ; но это все таки въ высокой степени интересные мемуары. Тамъ не мало разсыпано живыхъ и благородныхъ мыслей, сообщается въ талантливомъ и яркомъ разсказѣ масса историческихъ подробностей и встрѣчаются блестящія характеристики современниковъ.

Осенью 1805 года въ Троицкое, по приглашенію Дашковой, пріѣхала и старшая Вильмотъ (Екатерина), выдержки изъ интересныхъ писемъ которой мы приводили выше. Но сплетня скоро отравила пребываніе англичанокъ въ домѣ Дашковой. Она касалась Мэри, имѣвшей, будто-бы, виды какъ на состояніе княгини, такъ и на ея сына, не жившаго съ своей женой. Но такъ какъ задуманный планъ (разводъ князя съ женой и женитьба на англичанкѣ) былъ отвергнутъ, то, по этимъ сплетнямъ, миссъ Вильмотъ и произвела разрывъ между матерью и сыномъ. Былъ пущенъ даже слухъ, что сестры Вильмотъ — лица, опасныя для государства, и что за ними нужно зорко слѣдить.

Мэри Вильмотъ была въ очень неловкомъ и ложномъ положеніи; но ей жаль было старухи, и она, сначала предполагая уѣхать въ Англію, рѣшилась остаться въ Россіи. Мэри упрашивала Дашкову примириться съ дочерью и сыномъ, но та ни за что не хотѣла согласиться на это. У княгини были свои понятія о «долгѣ», которымъ она неизмѣнно слѣдовала. Дѣти, живя въ одномъ городѣ съ матерью, однако не видѣлись съ нею. Но то, что не примирялось въ жизни, примирила смерть. Въ началѣ января 1807 г. Дашкова узнала, что Павелъ Михайловичъ лежитъ въ горячкѣ и что положеніе его въ высшей степени опасно. Но матери уже не суждено было видѣть сына: онъ умеръ безъ нея, живя въ одномъ городѣ съ нею! Любимый братъ Дашковой—Александръ Романовичъ—умеръ еще ранѣе, въ концѣ 1805 г. Смерть сына тѣмъ болѣе должна была подѣйствовать на мать, что привела къ окончательному разрыву ея съ дочерью.

Князь Дашковъ, получившій столь блестящее образованіе,

былъ красавцемъ въ молодости: онъ привлекалъ взоры огромной толпы, собравшейся на пышный праздникъ Потемкина въ Таврическомъ дворцѣ. Павелъ Михайловичъ танцовалъ въ парѣ съ молоденькой княжной Барятинской, впервые появившейся тогда въ обществѣ и удивлявшей всѣхъ красотой и граціей. Но князь уже вскорѣ, кажется предаваясь неумѣренно житейскимъ удовольствіямъ, растерялъ свое образованіе и красоту. Его очень любило московское дворянство и два раза выбирало своимъ губернскимъ предводителемъ.

Печаль гордой княгини должна была еще болѣе усилиться отъ того, что со смертью сына у нея была отнята надежда на продолженіе мужского потомства: родъ князей Дашковыхъ пресѣкся... Какъ извѣстно, по просьбѣ княгини, фамилія Дашковыхъ перешла, вмѣстѣ со многими родовыми богатствами, къ племяннику Екатерины Романовны—графу И. И. Воронцову.

Смерть сына примирила свекровь съ невѣсткою, которая вскорѣ прибыла въ Троицкое. Старая и молодая Дашковы встрѣтились трогательно: обнимаясь, онѣ рыдали... Свекровь постаралась обезпечить будущность невѣстки. Но простушка вдова, старавшаяся чрезмѣрной внимательностью понравиться свекрови, не могла удовлетворить тонкой натуры Дашковой, и всѣ симпатіи послѣдней были на сторонѣ чуткой и образованной Мэри Вильмотъ. Любовь свою и нѣжность къ этой дѣвушкѣ она проявляла въ цѣломъ рядѣ дѣйствій. Она устраивала для нея праздники, прогулки, дарила ей очень цѣнныя вещи, между прочимъ и тотъ знаменитый вѣеръ, который когда-то подарила Дашковой покойная Екатерина II, будучи еще великой княгиней. Дашкова постаралась обезпечить миссъ Вильмотъ и болѣе прочнымъ образомъ, переведя на ея имя въ Англію 5000 ф. стерлинговъ, а это было все-таки довольно большой жертвой для разсчетливой княгини, не смотря на ея богатство. Она кромѣ того поручала свою гостью вниманію императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Старшая миссъ Вильмотъ, скучая по Англіи, уѣхала отъ Дашковой въ 1807 г. и увезла съ собою копію мемуаровъ княгини. Младшая сестра тоже томилась по родинѣ, но не хотѣла покинуть стараго друга, испытавшаго столько утратъ и замѣтно уже приближавшагося къ закату. Но вскорѣ между Россіей и Англіей была объявлена война, и англичане спѣшили брать паспорта и выѣзжали на родину. Однако миссъ Мэри могла окончательно распроститься съ Троицкимъ и его обитателями

не ранѣе осени 1808 г.,—и то съ разными приключеніями и осложненіями; но непремѣнно обѣщала свидѣться съ своей «русской матерью» (какъ она звала княгиню), лишь только миръ будетъ заключенъ. Однако имъ уже не суждено было больше свидѣться.

Переписка съ уѣхавшимъ другомъ стала единственной отрадой покинутой старухи. «Что мнѣ сказать, милое мое дитя, — пишетъ княгиня осенью 1809 г.,—чтобъ не огорчить васъ? Я тоскую, очень тоскую; слезы текутъ ручьемъ и время никакъ не можетъ помирить меня съ мыслью о вашемъ отсутствіи. Я стараюсь разсѣять себя: построила мостъ; насажала нѣсколько сотъ деревьевъ и кустовъ въ своемъ саду; но все это только на минуту развлекаетъ мои мысли, и я снова начинаю грустить».. «И какъ все перемѣнилось въ Троицкомъ (пишетъ она спустя нѣсколько дней)! Театръ закрытъ, и послѣ васъ не было ни одного представленія; фортепьяно молчитъ, и даже сѣнныя дѣвушки перестали пѣть пѣсни. Все жалѣетъ о васъ и все сочувствуетъ моему унынію. Но къ чему я говорю объ этомъ? Вы окружены родными, которыхъ любите и которые васъ обожаютъ; ваши дни исполнены радостей... Пусть мнѣ одной суждено страдать! Зная, что вы счастливы, я не хочу жаловаться»..

Кроткой, трогательной грустью вѣетъ отъ этихъ страницъ... Въ нихъ вылилась вся жажда тихой, сердечной привязанности, вся тоска старческаго одиночества! Впереди уже нѣтъ радостей и интересовъ,—они въ прошломъ; въ будущемъ—безнадежная тоска и... могила!

Послѣднее письмо къ «милой Мэри», написанное дрожащей рукой Дашковой, было за два мѣсяца до ея кончины. Оно оканчивалось трогательными словами: «Прощай, мое милое дитя! Да будетъ надъ вами благословеніе Господне!»

Княгиня еще ранѣе, въ ожиданіи кончины, сдѣлала распоряженія, которыя и тутъ указывали на ея дѣловитость. Она привела въ порядокъ свой естественный кабинетъ, собранный большей частью во время путешествій по Европѣ, и подарила его Московскому университету. На память о себѣ она отправила многимъ лицамъ разныя вещи,—нѣсколько рѣдкостей императору и двумъ императрицамъ, отъ которыхъ получила дружескія письма. Въ ожиданіи смерти она составила и свое духовное завѣщаніе, въ которомъ предусмотрѣла много практическихъ вопросовъ. Такъ, въ письмѣ къ душеприкащикамъ она просила на

погребеніе пригласить только 2-хъ священниковъ съ духовникомъ. «Дать имъ, по усмотрѣнію, но не болѣе 200 р. всѣмъ, а тѣло погребсти въ Троицкомъ». Указаннымъ въ духовной «дѣвкамъ», служившимъ при ней, княгиня давала отпускныя «вѣчно на волю» и съ награжденіемъ годовымъ жалованьемъ. Дочь свою Щербинину она лишила наслѣдства, назначивъ ей лишь ежегодныя довольно скромныя денежныя выдачи. «А какъ по запальчивости нрава дочери моей Настасьи Михайловны Щербининой,—откровенно объяснялось въ завѣщаніи,—изъявлявшей противу меня не только непочтеніе, но и позволявшей себѣ наносить мнѣ втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ огорченія и досады,—то я отъ всего движимаго и недвижимаго имѣнія моего ее отрѣшаю!»

Въ декабрѣ Дашкова, уже больная и слабая, переѣхала въ Москву. 4 января 1810 г. она скончалась и похоронена въ церкви села Троицкаго. Ея мемуары, съ приложеніемъ писемъ Екатерины II, были изданы (по англійски) въ 1840 г. въ Лондонѣ мистриссъ Бредфордъ,—бывшей миссъ Вильмотъ,—вѣрнымъ и непоколебимымъ другомъ покойной. Можетъ быть эта стойкость въ высокой оцѣнкѣ Дашковой со стороны такой симпатичной и прекрасной особы, какъ издательница мемуаровъ, является доказательствомъ нравственной и умственной силы княгини, а также и мягкихъ сторонъ ея личности, которыя ускользали отъ другихъ наблюдателей.

Во всякомъ случаѣ образъ княгини отмѣчается печатью несомнѣннаго ума и жаждой болѣе возвышенныхъ наслажденій, которая является обыкновенно удѣломъ только избранныхъ натуръ.

Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тодгентера.* Ц. 2 р. 50 к

Курсъ начальной механики. *И. Рыкачева.* Съ 197 рис. Ц. 1 р. 50 к.

Практическая геометрія. *А. Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Цѣна 60 к.

Курсъ метеорологіи и климатологіи. Профессора Лѣсного Института: *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рис. и 6-ю картами. Цѣна 2 р.

Общія основы химической технологіи. *В. Селезнева.* Съ 70 рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

Полный курсъ физики. *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. съ 1215 рис., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Цѣна 4 р.

Популярная физика. *А. Гано.* Переводъ съ франц. *Ф. Павленкова*, 3-е изд. Съ 604 рис. Ц. 2 р.

Краткая физика. *М. Герасимова.* Съ 335 рис. и 214 задачами. Цѣна 1 р.

Популярная химія. *Н. Вальберха* и *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Съ 50 рис. Ц. 40 к.

Учебникъ химіи. *Альмединген*а съ 96 рис. Ц. 2 р.

Общепонятная геометрія. *В. Потоцкаго.* Съ 143 фиг. Ц 40 к.

Практическій курсъ физіологіи. *Бурдонъ Сандерсона.* Переводъ д-ра *Фридберга.* Въ 2-хъ томахъ, со мног. рис. 2-е изд. Ц 3 р.

Методика ариѳметики. *С. Житкова.* Ц. 75 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики". *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 40 к.

Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 25 к.

Учебникъ географіи для городскихъ училищъ. *И. Плетенева.* Съ рис. Ц. 30 к.

Начальный курсъ географіи. *Корнеля.* 11-е изд., съ 10-ю раскрашенными карт. и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *А. Кузнецова.* 2-е изданіе. Цѣна 1 р.

Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* Съ 800 рис. 12-е изд. Ц. 20 к.

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ". *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Цѣна 15 к.

Родная азбука. *Ф. Павленкова*, 8-е изд., съ 200 рис. Ц. 5 к.

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова*, 11-е изд., 12 стр. 100 рис. Ц. 1 к.

Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) Къ „Родному слову" Ушинскаго (400 рис.) 2) Къ „Азбукѣ Бунакова" (460 рис.) 3) Къ „Первой учебной книжкѣ" Паульсона (430 рис.). 4) Къ „Русской азбукѣ" Водовозова (470 рис.). 5) „Общія наглядно-звуковыя прописи" (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Ц. каждой книжки 8 к.

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ *Т. Лубенца.* 2-е допол. изд. Ц. 15 к

Зернышко. *Т. Лубенца.* Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Со многими рис. Ц. 30 к. Вторая книга Ц. 40 к.

Руководство къ „Зернышку" *Лубенца.* Ц 50 к.

Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц 30 к.

Церковно-славянскій букварь. *Лубенца.* Ц. 5 к.

Руководство къ „Церковно-славянскому букварю". *Т. Лубенца.* Ц. 15 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. *Лубенца.* 11-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). Ц. 40 к.

Руководитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.

Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.

Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* 15-е изд. съ 200 рис. и порт. Ц. 75 к.

Триста письменныхъ работъ. Для упражненій въ начальной школѣ. *Н. Корфа.* Ц. 15 к.

Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указаніемъ грам. правилъ. *Корфа.* Ц. 12 к.

Русскій языкъ. Иллюстрированная хрестоматія *А. Тарнавскаго.* (Съ 80 рис. и портретами). 4-е изд. Ц. 60 к.

Элементарная грамматика русскаго языка. *А. Чудинова.* 5-е изд. Ц. 50 к.

Начальная рус. грамматика. *Бучинскаго.* Ц. 30 к.

Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд. Ц. 20 к. „Замѣтки для учителя". Ц. 10 к.

Русское слово. *А. Павлова.* Сборникъ образцовыхъ произведеній рус. словесности. Руководство для городскихъ училищъ Ц. 1 р.

Руководство къ „Рус. слову". *Его-же.* Ц 60 к

Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.

Сборникъ алгебр. задачъ. *Савицкаго.* Ц. 40 к.

Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* Съ 96 рис. Ц. 50 к.

Дешевый географическій атласъ. Десять раскрашен. картъ. Ц. 30 к.

Очерки новѣйшей исторіи. *И. И. Григоровича.* 6-е изд. Съ 57 портретами. Ц. 2 р.

Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Переводъ подъ редакціей проф. *И. Мечникова.* 2-е изд. Съ 345 рис. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к. въ перепл. 1 р. 50 к.

Крат. курсъ ботаники. *Сѣлзова.* 118 рис. Ц. 50 к

Общедоступное землемѣріе. *А. Колпаносскаго.* Съ 279 рисунк. въ текстѣ. Ц. 75 к.

Руководство къ рисованію акварелью. *А. Лакассаня.* Съ 120 рис. и 6-ю аквар. Ц. 1 р. 50 к

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) **Ручной трудъ.** Составилъ *Графиньи.* Домашнія занятія ремеслами. Съ франц. 400 рис. Ц. 1 р. 50 к.—2) **Электрическіе звонки.** *Боттона.* Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер. съ англ. и дополнилъ Д. Головъ Ц. 1 р.—3) **Руководство къ рисованію акварелью.** *А. Кассаня.* Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) **На всякій случай** *А. Альмединген*а. Научныя-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціею пищевыхъ и другихъ веществъ Двѣ части Цѣна каждой 50 коп. 6) **Домашній опредѣлитель поддѣлокъ.** *А. Альмединген*а. Ц. 60 к. и проч.

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ И. Луковникова (Спб., Лештуковъ пер., № 2).

Для дѣтей и юношества.

ДВА ПРОКАЗНИКА. Шуточный разсказъ въ стихахъ. *В. Буша.* Переводъ съ 25 нѣмецк. изданія. Около 100 рис. Ц. 60 к., въ пап. 75 к., въ пер. 1 р. 25 к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Дѣтскіе разск. *А. Лякидэ.* Съ рисунками. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 25 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. *А. Брянчанинова.* Съ предисловіемъ Тургенева и 50 рисунками. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 50 к., въ переп. 3 р.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. *Е. Конради.* Съ 58 рис. Ц. 2 р., въ перепл. 2 р. 75 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. *И. Засодимскаго.* Два тома съ 136 рис., цѣна кажд. въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

ХОРОШІЕ ЛЮДИ. *В. Острогорскаго.* 45 рис. 2 изд. Въ пап. 1 р., въ пер. 1 р. 75 к.

ИЗЪ ЖИЗНИ ИСТОРІИ. *А. Арсеньева.* Съ рис., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

ПОСЛУШАЕМЪ! Разск. *А. Ольде.* 28 рис. Въ папкѣ 1 р., въ пер. 1 р. 50 к.

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. *Н. Азбелева.* Съ 16 рис. Ц. 20 к.

НАГЛЯДНЫЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) *Ф. Павленкова.* 200 рисунковъ на 10 листахъ. Ц. 1 р. „Объясненіе“ къ нимъ 5 к.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. *В. Обрегимова.* Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Ц. 1 р.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть больше своего цѣлаго, и пр. Составилъ *В. Обрегимовъ.* 2-е изд. Ц. 40 к.

ИСКРЫ БОЖІИ. Біографическіе очерки *А. Островинской.* Ц. 1 р. 25 к.

20 БІОГРАФІЙ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУС. ПИСАТЕЛЕЙ. Составилъ *В. Острогорскій.* Съ 20 портретами. 3 изд. Ц. 50 к.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

ИСТОРІЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. *Ламе-Флери.* Съ 52 рис. 2-е изд. Ц. 75 к., въ папкѣ 1 р., въ перепл. 1 р. 30 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА въ сокращенномъ переводѣ *Л. Шелгуновой:* Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Холодный домъ, 8) Николай Никльби, 9) Крошка Доррить, 10) Два города. Цѣна каждаго романа 40 к. Въ папкѣ 50 к.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. *С. Воргсгофера.* Съ 73 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 50 к.

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ. *С. Воргсгофера.* Съ иллюстраціями. Ц. 2 р., въ пап. 2 р. 25 к., въ пер. 2 р. 75 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. *С. Воргсгофера.* Съ иллюстр. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ перепл. 2 р. 75 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. *С. Воргсгофера.* Съ иллюстрац. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ пер. 2 р. 25 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. *Р. Тисандье.* Переводъ подъ ред. *Ф. Павленкова.* Съ 55 рис. 3 изд. Ц. 1 р. 50 к., въ пер. 2 р.

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. *Тисандье.* Пер. подъ редакціей *Ф. Павленкова.* 353 рис. Ц. 2 р., въ пер. 2 р. 75 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. *Люкаса.* Съ франц. Ц. 1 р.

ВЕЧЕРНІЕ ДОСУГИ. *А. Круглова.* Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

РЫЖІЙ ГРАФЪ. НЕРАЗЛУЧНИКИ. ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. *И. Засодимскаго.* Съ рис. Ц. каждой книжки по 35 к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. *А. Смирнова.* Съ 50 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переплетѣ 2 р.

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. *А. Круглова.* Съ 6 рис. Ц. 25 к.

НЕЗАБУДКИ. *А. Круглова.* Сборникъ разсказовъ. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ перепл. 2 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЧКА. *Э. Кандева.* 67 рис. Ц. 2 р., въ папкѣ 2 р. 25 к., въ переплетѣ 2 р. 50 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЛЕРМОНТОВСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Демонъ.** Съ 9 рис. Ц. 6 к.—2) **Ангелъ Смерти.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—3) **Измаилъ-Бей.** Съ 9 рис. Ц. 10 к.—4) **Хаджи-Абрекъ.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—5) **Бояринъ Орша.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—6) **Пѣсня про купца Калашникова.** Съ 7 рис. Ц. 3 к.—7) **Мцыри.** Съ 7 рис. Ц. 4 к.—8) **Аулъ Бастунджи.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—9) **Литвинка.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—10) **Каллы.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—11) **Кавказскій пленникъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—12) **Корсаръ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—13) **Черкесы.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—14) **Джуліо.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—15) **Казначейша.** Съ 5 рис. Ц. 4 к.—16) **Герой нашего времени.** Съ 23 рис. Ц. 25 к.—17) **Бэла.** Съ 9 рис. Ц. 8 к.—18) **Тамань.** Съ 5 рис. Ц. 3 к.—19) **Княжна Мери.** Съ 9 рис. Ц. 12 к.—20) **Фаталистъ.** Съ 3 рис. Ц. 2 к.—21) **Призракъ.** Съ 3 рис. Ц. 3 к.—22) **Маскарадъ.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—23) **Испанцы.** Съ 5 рис. Ц. 10 к.—24) **Ашикъ-Керибъ.** Съ 5 рис. Ц. 2 к.—25) **Княгиня Лиговская.** Романъ. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—26) **Люди и страсти.** Трагедія. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—27) **Странный человѣкъ.** Романтическая драма. Съ 5 рис. Ц. 8 к.—28) **Два брата.** Драма. Съ 5 рис. Ц. 5 к.—29) **Всѣ баллады и легенды.** Съ 3 рис. Ц. 5 к.—30) **Повѣсть изъ современной жизни.** Съ 9 рис. Ц. 7 к.

301